С. УЗИН
ТАЙНЫ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новеллы, из которых состоит эта книга, посвящены одному из интереснейших вопросов истории географических открытий — как и при каких обстоятельствах появились на карте те или иные географические названия.

Любознательный читатель узнает, например, происхождение названия города Братска, озера Иссык-Куль, Охотского моря, материка Австралии. Художественная форма, занимательный сюжет и большой познавательный материал делают эту книгу интересной для людей различного возраста и любой профессии.

- Семен Владимирович Узин
  - ○
  - ○
  - ○ Меч Мамая
  - ○ Горячее озеро
  - ○ Город на Ангаре
  - ○ Гавань Петра и Павла
  - ○ «На крайнем конце»
  - ○ Памяти капитана-командора
  - ○ Охота — Охотск — Охотское море
  - ○ Островной город
  - ○ Сапожок
  - ○ У семи палат
  - ○ Мрак и свет
  - ○ Столица Эллады
  - ○ Полуостров Пелопса
  - ○ Скала Тарика
  - ○ Два острова
  - ○ Страна-деревня
  - ○ Цветущий полуостров
  - ○ Архипелаг черепах
  - ○ Лесной край
  - ○ Остров-лес
  - ○ Красное море
  - ○ Южная земля
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

Семен Владимирович Узин

Тайны географических названий

С. У З И Н

ТАЙНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1961

Художник Е. С. Скрынников

«Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре»

Н. И. Надеждин

Меч Мамая

Несколько лет назад, в нарушение установившейся годами традиции проводить отпускное время на берегу Черного моря, я решил отдохнуть где-нибудь у реки, порыбачить всласть, побродить в лесных закоулках, словом, окунуться в благословенную природу русского лесостепья.

Естественно, первым моим побуждением, как человека по натуре общительного, было найти попутчика, готового разделить со мною все неисчислимые радости, которые сулил отдых на лоне природы.

Увы, задача эта оказалась совсем нелегкой. К моему великому огорчению, друзья и приятели один за другим (словно сговорились) отказывались составить мне компанию. Пока я излагал им план своего отдыха, они бурно радовались и всячески одобряли мое намерение, но стоило мне заикнуться о том, что и им не мешало бы встряхнуться, как в ответ слышались многословные жалобы на радикулит, диабет и прочие болезни, о существовании которых у них я и не подозревал.

Все мои попытки уговорить, переубедить, доказать не имели успеха, и, мысленно чертыхаясь, я перелистывал снова и снова записную книжку и выискивал телефоны, не теряя надежды обрести единомышленника.

Как часто бывает, удача пришла с той стороны, откуда я ее менее всего ожидал.

Случайная встреча, короткий разговор — и долгожданный попутчик найден. Им оказался мой университетский товарищ Павел Лавров.

Признаюсь, в первый момент я испытал некоторое смущение и даже разочарование.

«Как? — подумал я. — Этот сухарь, насквозь пропитавшийся

архивной пылью, этот ученый муж, погрузившийся в изучение далекого прошлого с самозабвенностью маньяка, будет моим спутником в задуманном походе?» Я мысленно попытался представить себе тщедушную фигуру Лаврова, согнувшуюся в три погибели под тяжелым рюкзаком. «Да, хлопот, видно, не оберешься с этим представителем кабинетной флоры. Но что поделаешь, иного выбора нет.»

В то время как я предавался столь нерадостным размышлениям, мой новоявленный компаньон деловито расспрашивал меня о маршруте и прочих деталях путешествия.

— Куда мы отправимся? Что ты думаешь брать с собой? Когда оформлять отпуск? — Вопросы сыпались один за другим.

Смущенно улыбаясь, я признался, что еще ничего не решил, потому… тут я пустился было в длинные объяснения, почему так получилось.

— Не трудись оправдываться, — снисходительно прищурившись, прервал меня Павел. — Впрочем, ты еще в университете зарекомендовал себя как на редкость бездарный организатор. Ладно, организационные тяготы беру на себя, я уже пятый год таким образом провожу отпуск, так что опыт у меня кое-какой есть.

— Пятый год? — Вероятно, я имел очень глупый вид, потому что Павел, это воплощение сдержанности и невозмутимости, вдруг громко захохотал.

— Едем в мои родные места, — через мгновение становясь снова серьезным, предложил он, — дед Корней давно уже зовет меня погостить. Обещает все удовольствия: лодку, отменную рыбную ловлю, грибы, пасеку. Все перечисленное будет полностью в нашем распоряжении. Отдохнем на славу и природой насытимся. Места у нас — загляденье. Да и дед мой — прелюбопытнейшее существо. С ним не соскучишься.

Спустя неделю мы уже блаженствовали в сторожке деда Корнея, затерявшейся где-то на стыке Рязанской, Тульской и Липецкой областей.

Павел не преувеличивал: действительно, это был дивный уголок, сохранившийся во всей своей первозданной прелести.

Первые дни мы просто бродили по окрестностям, впитывая в себя неповторимые ароматы лесов и лугов, наслаждаясь таинственным шелестом листвы, ласковым плеском речных струй, красками заката.

Вечерами, после непритязательного ужина, мы усаживались на крыльце и, дымя папиросами, слушали нескончаемые рассказы деда Корнея. У старика, несмотря на преклонный возраст (ему было уже за семьдесят), прекрасно сохранилась память, из

тайников которой он извлекал каждый раз что-нибудь новое и непременно захватывающее наше внимание. Надо отдать ему должное: дед был отличным рассказчиком.

С особым удовольствием старик предавался воспоминаниям о далекой старине, образно и живо передавая многочисленные предания, бытующие среди местных жителей.

Павел не оставался, как я, пассивным слушателем. Очень часто он вступал с дедом в спор, обнаруживая при этом великолепное знание предмета, когда речь шла о каких-нибудь исторических событиях столетней и более давности.

С горячностью, которой я никогда в нем не подозревал, доказывал он деду его неправоту, с легкостью фокусника жонглируя при этом именами историков и названиями архивных документов. Он чувствовал себя вполне в своей стихии.

Дед Корней добродушно посмеивался и попыхивал свернутой из газеты цигаркой.

— Ты, внучек, — говорил он, — человек ученый, куда уж мне с тобой тягаться. Однако я так тебе скажу, что и старые люди, от которых слыхивал я эти байки, не сами их придумали. От дедов и прадедов передаются они аккурат так, как я рассказываю, слово в слово.

Обычно, в конечном счете, каждый оставался при своем мнении, и, выкурив последнюю папиросу, мы отправлялись спать: дед в сторожку, а мы на сеновал.

Как-то утром (было это, кажется, на четвертый день нашего пребывания у гостеприимного старика) дед Корней поинтересовался, не надоело ли нам бездельничать. Сделал он это со свойственной ему прямолинейностью.

— Хватит вам бока пролеживать, так весь ваш отпуск пройдет и ничего путного сделать не успеете, — ворчливо заявил он. — Принимайтесь-ка за дело, готовьте снасть, сегодня вечером на Красивую Мечу рыбачить поедем.

Ночь нас застала у весело потрескивающего костра на берегу реки. Темными, едва различимыми силуэтами застыли в ночном безмолвии кусты, обступившие со всех сторон облюбованную нами лужайку. Над водой стлался белесый туман. Торжественная тишина изредка нарушалась лишь всплесками играющей рыбы да лаем собак, доносившимся из расположенной километрах в двух деревни. В бездонном небе неверным светом мерцали немногочисленные звезды. Они то появлялись, то исчезали, словно искры, вылетающие из костра.

Чувство необыкновенного покоя и довольства охватило меня. Пристроившись поближе к огню (с реки тянуло свежестью), я блаженно растянулся на брезентовом плаще. Павел последовал

моему примеру. А дед Корней, устроившийся по другую сторону костра, перебирал рыболовные снасти, что-то бормоча себе под нос.

— Красивая Меча, — прерывая молчание, задумчиво произнес я. — А ведь действительно красивая река, лучше не скажешь. Тургеневские места…

— Только называется река так не за красоту свою, — неожиданно отозвался дед Корней, откладывая в сторону крючки и доставая кисет. — На это есть своя история. Коли охота есть послушать, расскажу ее так, как довелось мне еще в молодости слышать от моего деда.

— Расскажите, расскажите, Корней Кондратьич! — оживился я, радуясь возможности услышать что-то интересное.

Павел продолжал хранить молчание и лишь чуть приподнялся на локте.

— Было это, почитай, не меньше как годов шестьсот назад, в точности сказать не могу, — неторопливо начал старик, уминая пальцами махорку в клочке газеты. — Поганые басурманы топтали русскую землю. Тяжко, ох, как тяжко приходилось мужику от набегов татар. Всего лишали его ханские прихвостни: дома сжигали, баб и девок в полон угоняли, забирали скотину, скарб.

Копилась людская обида, из года в год накапливалась, ждала своего часа. В ту пору на Москве сидел великим князем Дмитрий Иванович. Большого ума был человек. Думка у него была, как бы иго татарское сбросить. Великая сила нужна была, чтобы одолеть супостата.

Промежду тем хан ордынский Мамай совет со своими держал, новый набег на земли русские готовил. Слухом земля полнится. Дошли вести о том до ушей князя московского, кликнул он клич, звал на смертный бой с заклятым врагом.

Сошлись силы русская и татарская, не так чтоб далече отсюдова, на Куликовом поле. Жаркая была сеча. Сколько народу там полегло, не счесть. Сказывают только, что Дон после того три дня и три ночи был темен от крови. Поначалу теснил наших Мамай, но к вечеру русская сила пересилила. Засадные полки ударили в спину наседавшим татарам, и покатились они вспять.

Сам Мамай стоял на холме, окруженный телохранителями. Увидел он, что войско его повернуло и в бегство ударилось, смекнул хан, что пропало его дело и надо голову свою спасать. Вскочил на коня и поскакал прочь. Телохранители за ним. Так скакали они не переводя дух, пока не добрались вот до этой самой реки, только пониже, в том самом месте, которое прозывается Гусиный Брод. Переправляясь через нее, Мамай

обронил в воду меч. А был тот меч не простой, а изукрашенный драгоценными каменьями. В другой раз не оставил бы хан меча на дне реки, повелел бы его достать своим слугам. Да, видно, не до меча ему было. Так и остался меч на дне быстрой речки. Искали его потом, да так и не нашли. А реку нарекли в память об этом Красивой Мечей. Вот и весь сказ.

— Говоришь, искали меч и не нашли? — насмешливо переспросил Павел.

Старик, не заметив иронии в голосе внука, развел руками:

— Ничего в этом нет мудреного, должно, его засосала тина, тяжел был, видно.

— До чего же все это интересно, — заметил я, — называется река Красивая Меча, а ты даже и не подозреваешь, что за этим названием кроется.

— Эх вы, романтики, — с сожалением произнес Павел, снова приподнявшись на локте, — сеча, погоня, меч с бриллиантами! Сказка хороша, слов нет, да только сказка сказкой и остается. А наука требует точных и неопровержимых фактов. Сдается мне, что никогда в эту реку Мамай меча не ронял, потому и не могли его найти. Ты, дед, не ершись, — повысил он голос, заметив протестующий жест старика, — а лучше сам рассуди. Ведь связь между словами «меч» и «меча» по меньшей мере сомнительна. Да и если быть последовательным и производить некоторые географические наименования от общеизвестных слов, легко впасть и в ошибку. Мне вспоминается высказанное по этому поводу остроумное и в высшей степени меткое суждение. Принадлежит оно некоему Орлову, опубликовавшему в 1907 году книгу «Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей». Вот что у него сказано относительно легенды о названии Красивая Меча. — Павел сделал небольшую паузу, видимо воскрешая в памяти текст: — «Точно так же я слышал объяснение, что река Сумка в городе Сумах называется потому, что некогда здесь знаменитый гетман Дорошенко, переправляясь через реку, уронил в нее свою сумку, оттого и название Сумка. Удивительные растеряхи эти полководцы. Растеряют все, а из-за них хорошие господа ломай голову. Но ведь эдак название шести рек с именем Ряса придется объяснить тем, что шесть священников обронили в них свои рясы, а в реке Час какой-нибудь историк потерял часы». Каково? Не в бровь, а прямо в глаз!

Кстати, сам Орлов считает, что большинство названий рек на Руси происходит от корней финно-угорского языка, в том числе и Красивая Меча. Это объяснение представляется мне также сомнительным. Я же лично склоняюсь к тому, что корни

происхождения названия Красивой Мечи следует искать в древнерусском языке. Мне как-то пришлось, не помню сейчас по какому поводу, просматривать работу Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка», и там есть упоминание о слове «меча», которое автор связывает с современным словом «медведь». Медведица по-древнерусски — мечька. Вот это уже ближе к истине. А ты говоришь Мамай!

Слушая уверенную речь Павла, я не мог отказать ему в логике и убедительности его рассуждений. Умом я соглашался с ним, но в то же время ловил себя на том, что версия, рассказанная дедом Корнеем, импонировала мне больше — вероятно, своей поэтичностью.

Старик не стал возражать внуку, хотя по лицу его видно было, что он остался при своем мнении и аргументация Павла ничуть на него не подействовала. Помешав палкой костер, он, кряхтя, поднялся и шагнул в окружающую нас непроглядную темень.

От разгоревшегося костра снопом летели искры. Я любовался их причудливой игрой и думал о далеком прошлом. Незаметно для себя я задремал.

Во сне мне привиделось, будто я участвую в знаменитом сражении на Куликовом поле. Вокруг раздается звон оружия, ржание коней, победные крики, стоны умирающих. Я несусь на лихом коне сквозь лязг и грохот, не обращая ни на что внимания. Впереди скачет Мамай с мечом в вытянутой руке. Я не отрываю взора от его меча, который сверкает в лучах заходящего солнца. Одна мысль сверлит мозг: догнать хана, отобрать меч, пока он его не утопил. Расстояние между нами сокращается, криком я подгоняю коня, замахиваюсь и… просыпаюсь.

Надо мной стоял дед Корней и тряс за плечо.

— Ишь развоевался, чуть старика не зашиб. Вставай, пора на реку идти, скоро светать будет. Павел уже там.

* * *

На этом, собственно, можно и остановиться. Я мог бы, конечно, продолжить свой рассказ о том, как мы провели оставшиеся дни отпуска, сколько наловили рыбы, собрали грибов и так далее, но, право, не вижу в этом особой надобности. Главное, о чем хотел рассказать, я рассказал — это дед Корней и услышанная от него замечательная история о происхождении

названия Красивой Мечи. Главное потому, что с этого началось мое увлечение географическими названиями, точнее раскрытием их происхождения.

Мысль о книге на эту тему подсказал мне Павел, когда услышал от меня, что я намерен всерьез заняться расшифровкой географических наименований.

— Тебе, как говорится, и карты в руки, — со свойственной ему безапелляционностью заявил он, — ты часто бываешь в командировках в различных городах и местностях, имеешь возможность собрать необходимый материал, поговорить с краеведами и другими знающими людьми. Я со своей стороны могу тебе помочь, связав с историками и языковедами. Почему бы тебе не написать книгу? Уверен, что читатель встретит ее с интересом уже по одному тому, что ты постараешься удовлетворить присущую ему любознательность. Только не увлекайся, будь объективен и не пытайся обнять необъятное: выбирай наиболее интересное. Лучше меньше, да лучше. И упаси тебя бог что-нибудь придумывать.

Признаюсь, менторский тон моего приятеля меня несколько покоробил, однако в душе я не мог не согласиться, что высказанные им мысли довольно справедливы.

В дальнейшем, работая над книгой, я всецело руководствовался советами своего университетского друга, за исключением лишь одного. Довольно часто бывало так, что крайняя скудость фактического материала вынуждала меня допускать известный домысел, чтобы оживить повествование. При этом я прилагал все силы, чтобы изобразить по возможности более правильно характеры действующих лиц, окружающую их обстановку, — одним словом, старался передать колорит эпохи в строгом соответствии с теми представлениями, которые сложились в исторической науке.

С тех пор прошло около десятка лет. За эти годы куда только не забрасывала меня моя беспокойная, но увлекательная профессия изыскателя. Мне довелось побывать в оазисах Средней Азии и в сибирской тайге, горах Дальнего Востока, лесах Европейского Севера, не говоря уже о Кавказе, Прибалтике, Поволжье и Урале.

И всюду, где бы я ни был, я расспрашивал, записывал, читал. Мои блокноты пополнялись с каждой поездкой все новыми и новыми сведениями. Со временем мои интересы перешагнули через рубежи нашей страны, и я погрузился в изучение различных исторических и географических трудов, в которых можно было обнаружить крупицы сведений о тех или иных географических названиях Европы, Америки, Африки, Азии и Австралии. В моих

исканиях девизом служат полюбившиеся мне слова Николая Ивановича Надеждина, писателя и критика первой половины XIX столетия: «Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре».

И вот книга написана и уже увидела свет. Она вышла в 1959 году. Назвал я ее «О чем молчит карта». В ней двадцать небольших рассказов. Книжка нашла своего читателя, и, ободренный, я решил выступить с новыми рассказами, которые и предлагаю вниманию любознательных.

Горячее озеро

По долгу службы мне предстояло побывать в городе Пржевальске, расположенном на восточном берегу высокогорного озера Иссык-Куль. Из Фрунзе, столицы Киргизской республики, до Пржевальска можно было добраться либо автобусом, либо самолетом.

— Вам уже приходилось ранее бывать на Иссык-Куле? — спросил у меня сосед по номеру в гостинице, к которому я обратился за советом, какой из двух способов передвижения лучше избрать.

— Нет, — отвечал я, — это будет мое первое знакомство с озером.

— В таком случае, — оживился мой случайный сожитель, приехавший по делам в столицу Киргизии из самого сердца Тянь-Шаня, города Нарына, — настоятельно рекомендую вам третий способ, так сказать комбинированный. Поезжайте автобусом до города Рыбачье, что на западном конце Иссык-Куля, а там садитесь на теплоход, и через восемнадцать часов вы будете в Пржевальске. Не скрою, предлагаемый мною путь отнимет у вас больше времени, чем любой из первых двух, но зато вы сможете в полной мере оценить красоту нашего Иссык-Куля, а ради этого, право, стоит пожертвовать несколькими лишними часами.

Совет соседа пришелся мне по душе, и спустя день я уже прохаживался по палубе небольшого уютного теплохода, покинувшего пристань города Рыбачье.

Подобно гигантской чаше, раскинулось озеро, окаймленное с севера и с юга хребтами Кунгей- и Терской-Алатау. Все вокруг дышало дикой суровой красотой: и пустынное зеленовато-синее пространство воды, уходящее вдаль и сливающееся там с безлесными, несколько угрюмыми берегами; и возвышающиеся громады гор, увенчанные кипенно-белыми шапками вечных

снегов; и наш теплоход, кажущийся неправдоподобно крошечной песчинкой рядом с вздыбившимися к небу хребтами, незыблемо могучими и прекрасными в своей первозданной строгости.

Жар знойного июльского дня несколько умерялся свежим солоноватым ветром, будоражившим поверхность Иссык-Куля. Волны беспорядочно наскакивали одна на другую, исполняя какой-то диковинный, им одним известный танец. Вслед за волнами причудливый танец повторяли отраженные в воде солнечные лучи, и, казалось, все озеро искрилось и переливалось, как огромный бриллиант с бесчисленным множеством граней.

Я стоял у борта и, облокотившись на поручни, любовался этой непередаваемой игрой солнца и воды на поверхности озера. А в глубине, там, куда едва достигал дневной свет, мне казалось, вырисовываются странные очертания каких-то сооружений, как будто на дне покоится обширный город с крепостными стенами, дворцами, башнями и минаретами.

Пораженный этим сказочным зрелищем, я поспешил поделиться своими впечатлениями с стоящим неподалеку от меня пассажиром.

Выслушав меня, он улыбнулся, кивнул головой и сказал:

— В том, что вы говорите, нет ничего удивительного, — и, заметив на моем лице выражение недоумения, разъяснил: — Не вы первый и, очевидно, не вы последний, кто, путешествуя по Иссык-Кулю, наблюдает эту картину. Но если до последнего времени считалось, что это не более как игра преломленных на глубине солнечных лучей, то теперь есть основания предполагать нечто иное.

— Но что же? — заинтригованный, спросил я.

— О, это долгая история, — снова улыбнулся мой случайный собеседник. — Впрочем, если вы располагаете свободным временем, я с удовольствием поделюсь с вами тем, что мне известно.

Нетрудно догадаться, что у меня оказалось свободное время. Мы удобно расположились в креслах, и мой новоявленный знакомый приступил к рассказу.

— Пожалуй, лучше всего будет, если я начну издалека, — как бы советуясь с самим собой, сказал он задумчиво. — Не знаю, знакомы ли вы с многочисленными сказаниями и легендами, бытующими у нас в Киргизии, и, в частности, с легендами, живописующими возникновение озера Иссык-Куль? — Он вопросительно посмотрел на меня и, получив отрицательный ответ, продолжал: — В таком случае я расскажу вам одну из них. Она занятна и не лишена поэтичности.

— Давным-давно, сотни лет назад, там, где теперь вечно

шумят волны озера Иссык-Куль, была цветущая равнина. На покрытых сочной травой пастбищах бродили тучные отары овец и табуны лошадей. В многочисленных городах и селениях кипела жизнь, по дорогам нескончаемой вереницей двигались торговые караваны.

Слухи о богатой стране и ее прозорливом правителе разнеслись далеко по свету. Много рассказывали о хане, о его мудрости и справедливости. Но при этом добавляли, что никому еще не удалось увидеть лицо хана, ни его подданным, ни иноземным гостям, посещавшим страну. Чем объяснить столь странное поведение всеми почитаемого правителя? Люди терялись в догадках. Таинственность, окружавшая хана, давала пищу различным толкам, подозрениям, сплетням.

Единственными людьми, которые могли бы похвалиться тем, что лицезрели хана, были брадобреи, которых регулярно вызывали во дворец. Но странное дело, стоило какому-нибудь брадобрею побывать в резиденции хана и выполнить свои обязанности, как он исчезал бесследно, будто сквозь землю проваливался. Злые языки утверждали, что по приказанию хана брадобреев убивали, дабы они не могли выдать его тайны. Очень может быть, что их догадки были близки к истине.

Так продолжалось до тех пор, пока во всей стране не остался один-единственный брадобрей. Это был молодой человек, скорее юноша, унаследовавший ремесло от своего отца, скончавшегося несколько лет назад. Он жил в небольшом скромном домике вместе со своей старушкой матерью. Со страхом и трепетом ожидала она, когда дойдет черед до ее единственного сына идти в ханский дворец.

И вот настал этот ужасный для нее день. Утром, когда солнечные лучи едва еще золотили вершины окрестных гор, около их домика раздались конский топот и громкая речь. Встревоженная женщина вышла на порог и увидела нескольких всадников, остановившихся у ее двери.

— Эй, старая! — повелительно крикнул один из них, — поднимай своего сына, да побыстрей! Пусть собирает свой инструмент и не заставляет себя ждать. Сам хан приказал ему явиться во дворец.

Юный брадобрей слышал эти слова и, вскочив с ложа, сказал, обращаясь к посланцам хана:

— Жизнь моя принадлежит нашему повелителю. Я готов следовать за вами.

Он простился с матерью, вскочил на коня, и весь отряд ускакал, подняв облако пыли.

Долго еще стояла на пороге дома старая женщина, устремив

затуманенный слезами взор на дорогу. Она не чаяла увидеть снова сына, и сердце ее разрывалось от горя.

Между тем юный брадобрей в сопровождении слуг хана прибыл во дворец и тотчас же был введен в опочивальню властителя страны. Слуги не переступили порога опочивальни (им это было запрещено под страхом смертной казни) и остались за дверью в ожидании приказаний.

Всесильный хан возлежал на низком, богато убранном цветистыми шелками ложе. Юноша робко взглянул на могущественного владыку, от одного слова которого зависела его судьба, и едва не вскрикнул от удивления. «Так вот почему хан не показывается на людях и не допускает никого к себе, — молнией мелькнула мысль. — О Аллах! У него ослиные уши! Не сносить мне теперь головы!»

В это время раздался мягкий голос хана:

— Подойди ближе, брадобрей, и выкинь из сердца страх, который я читаю на твоем лице. Ты родился под счастливой звездой. Я сохраню тебе жизнь, ты мне нужен. Но помни, — кроткие глаза хана при этом зажглись на мгновенье гневом, — если хоть одно слово о том, что ты видел и слышал здесь, в моей опочивальне, слетит с твоих уст, ты погибнешь страшной мучительной смертью и принесешь неисчислимые беды всему народу. Поклянись же, что выполнишь мое повеление, а затем приступай к делу.

Дрожащий от страха юноша распростерся ниц на ковре и, не поднимая головы, поклялся страшной клятвой свято хранить доверенную ему тайну. После этого он исправно выполнил свои обязанности и, получив щедрое вознаграждение, покинул дворец, не чуя под собой ног от страха и радости. Страха — потому, что он еще не был уверен в своем чудесном спасении, радости — потому, что был любящим сыном и предвкушал встречу со своей старушкой матерью…

Шло время. Благодаря частым посещениям ханской резиденции брадобрей вскоре стал состоятельным человеком и, казалось, мог быть вполне доволен своей судьбой.

А между тем соседи начали примечать, что прежде жизнерадостный, общительный юноша становился с каждым днем все угрюмее и мрачнее. Он сторонился людей, стал скуп на слова, даже осунулся. Можно было подумать, что его точит какая-то тайная болезнь.

Мать не находила себе места от беспокойства. Несколько раз она пыталась вызвать сына на откровенность, но он только махал рукой и, не произнося ни слова в ответ, уходил прочь.

Однажды, возвратившись из дворца, молодой человек, не

притронувшись к еде, заботливо приготовленной для него матерью, опустился у ее ног и обратился к ней с такими словами:

— О мать моя! Ты дала мне жизнь, так помоги же мне, чтобы эта жизнь не была мне в тягость.

— Но чем же я могу тебе помочь, сын мой, если я не знаю причины твоей тоски? — с волнением ответила старая женщина.

— Я не могу больше так жить, — со слезами на глазах продолжал юноша, — скажи, что мне делать. Меня гнетет тайна, которую я узнал в ханском дворце. Ни днем, ни ночью не дает она мне покоя. У меня нет больше сил сохранять ее. Я должен, должен кому-нибудь ее поведать. Все равно кому. Но если я это сделаю, меня ждет мучительная смерть, да и не только меня. Что же мне делать? Помоги мне! Посоветуй, как мне облегчить душу?

Поникла головой женщина. Задумалась она о том, как помочь сыну в беде. Долго, томительно долго длилось молчание. Наконец она заговорила, положив руку на склоненную голову сына.

— Горько и больно видеть мне, как ты страдаешь. Разве я не люблю тебя больше жизни? Разве не долг мой облегчить твои страдания? Послушай, сын мой, что посоветует тебе твоя старая мать.

Ты дал клятву, и человеческие уши не должны услышать того, что тебе стало известно во дворце у хана. Но если ты будешь и долее молчать, как молчал до сих пор, недолго будет для тебя сиять солнце, а я этого не переживу. Ты молод, жизнь твоя только начинается, и я не хочу, чтобы тоска тебя погубила и свела в могилу.

Ступай в то пустынное место, где ты часто бывал с отцом в детстве. Там есть заброшенный каменный колодец. Этому колодцу ты можешь смело поверить свою тайну. Ты выговоришься и сразу почувствуешь облегчение. Спеши, сын мой, сбросить с себя непосильное для твоей юной души бремя. Иди, не мешкай.

Ободренный словами матери, юный брадобрей быстро собрался в дорогу. Путь был дальний. Лишь в сумерки добрался он до заветной цели. Солнце уже скрылось за горизонтом, и ночные тени легли на громоздящиеся в беспорядке вокруг колодца серые угрюмые скалы. Ничто не нарушало мертвого спокойствия этого забытого людьми места — ни шелест листьев, ни пение птиц, ни живое журчание ручейка. Казалось, природа здесь окаменела.

Юноша, с опаской поглядывая по сторонам, подошел к колодцу и, наклонившись над ним, громко произнес:

— У нашего высокочтимого хана ослиные уши! Ты слышишь, колодец, что я сказал? У нашего хана ослиные уши!

За минуту до этого мрачное и скорбное лицо его внезапно преобразилось, оно заулыбалось и даже несколько порозовело. Он испытывал огромное облегчение от того, что наконец разомкнул скованные страшной клятвой уста и высказал тяготившую его тайну.

Слова брадобрея, многократно повторяясь, как бы удалялись в глубь колодца. Едва затих последний отзвук человеческого голоса, как на дне колодца что-то зашумело, забурлило, загрохотало. Шум нарастал с невероятной быстротой. Не прошло и нескольких минут, как из колодца хлынул стремительный поток воды.

Испуганный юноша бросился бежать, спасаясь от верной гибели. Между тем вода все прибывала. Она заливала сухую потрескавшуюся от зноя землю, поднимаясь все выше и выше. Вот она настигла беглеца, который напрягал последние силы, карабкаясь на высокую скалу, и обрушилась на него всей своей мощью. Мелькнули руки, голова, снова появилась на мгновение рука, потом все исчезло в бешеном водовороте.

А бурный поток, широко разлившись, уже стремительно несся к плодородным полям и зеленеющим пастбищам, к селениям и городам, не щадя ничего на своем пути.

Неизвестно, много ли времени понадобилось воде, чтобы затопить всю страну, но утверждают, что никому, ни единому человеку, не удалось спастись. Все жители оказались заживо погребенными в этой водяной темнице, которая ныне называется озером Иссык-Куль.

Рассказчик замолчал, бросив на меня взгляд искоса, как бы проверяя впечатление, произведенное его повествованием, и затем продолжал:

— Не взыщите за несколько вольное изложение легенды. Так она запечатлелась в моей памяти с детских лет, когда я ее впервые услышал от старика киргиза. От другого вы, возможно, услышите ее в иной интерпретации — я имею в виду детали, — но суть от этого не изменится.

Такова легенда о происхождении Иссык-Куля. А теперь вернемся к действительности.

Самое интересное состоит в том, что неожиданно сказка обернулась былью. Впрочем, удивляться тут нечему. Обычно в каждой сказке или легенде есть какая-то доля правды — в большей или меньшей степени, но есть. И история с Иссык-Кулем лишний раз подтверждает эту мысль. Вы, конечно, вправе сомневаться, — заметив на моем лице недоверчивую улыбку, присовокупил он, — но когда дослушаете до конца, вы согласитесь со мной.

— Помилуйте, — воскликнул я, — да у меня и в мыслях не было сомневаться. Все, что вы рассказываете, так интересно… Прошу вас, продолжайте, мне не терпится узнать конец этой чудесной истории, а он, судя по началу, обещает быть не менее чудесным.

— Хорошо, — согласился мой собеседник, — не буду испытывать ваше терпение. Итак, продолжаю. В 1958 году, летом, на дне озера Иссык-Куль, которым вы в настоящее время имеете удовольствие любоваться, начала работать подводная археологическая экспедиция. Поводом к организации этой экспедиции послужили, конечно, не легенды, одну из которых вы только что услышали, а более серьезные обстоятельства: исторические письменные памятники, свидетельствующие о том, что на побережье озера в древности и позднее, в средние века, жили различные племена, находки, обнаруженные на побережье в разное время и носившие на себе отпечаток древнего происхождения. Все это не могло не заинтересовать археологов.

И вот уже два года, как эти неутомимые искатели обшаривают дно Иссык-Куля в поисках свидетельств былой жизни. Быть может, и сейчас, когда мы с вами мирно беседуем на палубе теплохода, они продолжают свои поиски, не довольствуясь тем, что уже нашли. А найдено ими немало. Судите сами. Они прошли северное побережье озера на протяжении более ста пятидесяти километров. В первое лето их трофеями были обнаруженные на дне неподалеку от селения Баетовки остатки бревенчатого настила, обожженные кирпичи и большое количество черепков глиняной посуды. На следующий год список трофеев пополнился рядом новых находок. Тут были и каменная зернотерка, и глиняный кувшин, и снова черепки посуды со следами зеленой и синей глазури, и плитки с выпуклым орнаментом. На разной глубине и в разных местах побережья от Тору-Айгыра до Ойтала археологи нашли остатки стены кирпичной кладки, пни и сваи, осколки бронзовых сосудов, железные наконечники копий и стрел.

Эти немые свидетели когда-то кипучей жизни, извлеченные из-под толщи воды, не оставляли никаких сомнений, относительно того, что ныне затопленные водами Иссык-Куля пространства суши некогда служили ареной деятельности человека.

— Но что же произошло? Каким образом все это оказалось под водой? — не в силах сдержать нетерпение, воскликнул я.

— Точно такие же вопросы не дают покоя и ученым.

Мой собеседник смущенно улыбнулся и после небольшой паузы добавил:

— В том числе и мне. Мы ведь не представились друг другу, и я не имел случая сказать вам, что работаю научным сотрудником в здешней Академии наук.

— Хоть вы и не говорили этого, — живо откликнулся я, — но такое предположение у меня возникло с самого начала. С первых же ваших слов чувствовалось, что предмет разговора вам хорошо знаком, близок и, я бы сказал, дорог.

— Что поделаешь, — рассмеялся собеседник, — у каждого из нас есть свои увлечения. Это так естественно. Но вернемся к Иссык-Кулю. В самом деле, почему оказались под водой жилища прежних обитателей побережья?

На этот счет имеется несколько суждений. Одни, например, высказывают предположение, что гибель и разорение городов и селений, остатки которых находят сейчас археологи на дне озера, — это результат нашествия орд Чингис-хана. А под водой они оказались вследствие того, что вскоре после нашествия уровень озера в силу каких-то причин повысился и затопил разрушенные селения.

Однако эта версия вызывает большие сомнения, так как в летописях о каком-либо разливе не упоминалось.

Еще менее убедительно звучит другая версия, согласно которой якобы происходило постепенное поднятие уровня воды в озере, которое повлекло за собой такой же постепенный уход жителей с насиженных мест. Но почему же в таком случае найденные остатки свидетельствуют о том, что люди покидали свои жилища в крайней спешке, бросая на месте все свое имущество?

Третье предположение, пожалуй, ближе всего к истине, хотя с уверенностью утверждать это пока еще рано.

Полагают, что затопление водами Иссык-Куля многочисленных селений, расположенных прежде на его берегах, связано с какой-то геологической катастрофой, тектоническими движениями, весьма характерными для района Тянь-Шаня. Они, должно быть, и привели к внезапному поднятию уровня озера со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как видите, последняя версия в известной степени перекликается с рассказанной мною легендой. — Он замолчал и провел несколько раз рукой по волосам, приводя их в порядок.

— Все это захватывающе интересно, — задумчиво произнес я. — Какая удача, что мне довелось познакомиться с вами. И вы были так любезны… — Мой собеседник сделал протестующий жест. — Не обессудьте еще за один вопрос, который представляет для меня чрезвычайный интерес.

— С охотой отвечу, если смогу.

— Скажите, — продолжал я, — нет ли какой-либо связи между происхождением самого озера Иссык-Куль и происхождением его названия? Ведь, если я не ошибаюсь, Иссык-Куль в переводе с киргизского означает, кажется, не то Горячее, не то Теплое озеро?

— Совершенно верно, — последовал ответ. — Но должен сразу вас разочаровать. Насколько мне известно, никакой связи между происхождением озера и его названием не существует. Во всяком случае я нигде не слышал и не встречал в письменных источниках каких-либо намеков на такую связь. Упоминания об Иссык-Куле встречаются впервые у китайцев, которые его именовали Теплым морем — Же-хай. Если не ошибаюсь, это относится к первой половине VII века.

— А почему озеро получило такое название?

Он на мгновение задумался.

— На этот счет имеется два предположения. По мнению одних, название Теплое, данное ему еще в старину, объясняется тем, что оно, несмотря на низкие зимние температуры, не замерзает.

— А второе? — подхватил я.

— Второе? — засмеялся мой собеседник. — Нет уж, позвольте прежде задать вам в свою очередь вопрос.

— Извольте, — несколько растерянно произнес я.

— Скажите, слышали вы о том, что на Иссык-Куле есть курорты?

— Как же, разумеется, слышал.

— А знаете вы, благодаря чему они возникли и развились?

— Что-то слышал о лечебных источниках, — довольно неуверенно ответил я.

— Вот-вот, — обрадовался мой собеседник. — В них-то, как говорится, и собака зарыта. Источники эти не простые, а горячие. Он торжественно поднял указательный палец. — Успешно конкурируют с знаменитыми цхалтубскими. Радоновые ванны исключительной силы. — В голосе его слышалась нескрываемая гордость. — От этих-то горячих источников, бьющих на берегах озера, как утверждают некоторые, и название «горячее», столь вас заинтересовавшее.

Он встал с кресла и прошелся несколько раз по палубе. Затем остановился у поручней и сказал:

— Не знаю как вы, а я сильно проголодался. Не пойти ли нам перекусить?

Так закончился этот памятный разговор, приоткрывший мне тайны озера Иссык-Куль.

Город на Ангаре

Мерно погромыхивая на стыках, поезд устремлялся все дальше на восток. Далеко позади остались дремучие вятские леса, промелькнули сказочным видением неповторимые уральские пейзажи, сменившись бескрайними равнинами Западной Сибири. Прогрохотали стальные пролеты мостов, переброшенных через Обь и Енисей. И снова на железнодорожное полотно надвинулся лес.

Бесконечная сибирская тайга сплошной стеной встала за окнами, протягивая к поезду свои мохнатые темно-зеленые лапы.

Я лежал на верхней полке и, глядя в окно, вспоминал, как двенадцать лет назад впервые любовался этими местами по пути на Дальний Восток, куда перебрасывали нашу воинскую часть летом 1945 года.

Казалось, с тех пор ничего не изменилось. Но я знал, что где-то здесь за безмолвным строем таежных великанов бурлит жизнь: роются котлованы, скрежещут экскаваторы и бульдозеры, поют механические пилы, возводятся стены домов, корпуса заводов и фабрик. Хотелось раздвинуть руками стволы деревьев и хоть одним глазком посмотреть на все это…

Я ехал на одну из крупнейших сибирских строек. С каждым часом поезд все более приближался к конечной цели моей поездки — Братску. И не только я, все пассажиры вагона ехали в Братск, который, как могучий магнит, притягивал к себе людей со всех концов страны.

В вагоне было шумно. Отовсюду доносились взрывы смеха, громкий говор, лихой стук костяшек домино.

Подо мною расположилась небольшая компания: трое молодых парней, ехавших на строительство Братской ГЭС, командировочный из Министерства строительства электростанций, полный мужчина в очках, которые он поминутно

поправлял растопыренными пальцами, да два братских «старожила», возвращавшихся из отпуска. Один из них был совсем еще молодой, второй — постарше, лет сорока пяти — пятидесяти. Они работали на разных участках: молодой — шофером на самосвале, тот, что постарше, — каменщиком, и познакомились только здесь, в вагоне, но уже чувствовали себя старыми приятелями, чуть ли не закадычными друзьями. Еще бы! Они пришли на Ангару в числе первых, их руками закладывался фундамент стройки! Это объединяло и роднило их.

Наблюдая в окно за стремительно мелькающими деревьями, я прислушивался к происходившему внизу разговору.

— Даа, — неторопливо говорил каменщик, значительно поглядывая на молодых ребят, — вот вы сейчас сидите в вагоне, покуриваете да природой здешней в окно любуетесь. И невдомек вам, что есть кругом места почище этих, красоты прямо-таки неописанной. Эх, — вздохнул он с сожалением, — многое бы отдал, чтобы еще разок поглядеть на них.

— Ты это о чем, Петрович? — полюбопытствовал Василий (так звали шофера самосвала), отвлекаясь от газеты, в чтение которой он было погрузился.

— Припомнилось мне, Вася, как в запрошлом году ехал я на машине из Тулуна в Братск. Вот где, хлопцы, красота! Век бы смотрел не нагляделся!

— Ааа… — безразлично протянул Василий. По его тону видно было, что ему чужды восторги товарища, и красóты природы не задевают чувствительных струн его души.

— Ааа! — передразнил его возмущенный каменщик. — Бесчувственное ты бревно после этого, Вася! Да ну тебя. Не обращайте, хлопцы, на него внимания. Лучше послушайте, что я вам скажу.

— А что это за Тулун? — с интересом спросил один из парней. — Это где-нибудь там, в глухой тайге? — Он неопределенно махнул рукой.

— Да нет же, зачем там. Тулун — железнодорожная станция, на магистрали стоит; от Тайшета, где нас отцеплять должны, почитай, километров триста будет, — разъяснил словоохотливый каменщик. — От него дорога на Братск есть, не ахти какая, но машины проходят.

Ну вот, значит, по делам и мне довелось по этому тракту прокатиться, бока пообмять. Едем это мы, а небо ясное, ветра никакого, тишина кругом необыкновенная, только машины наши тарахтят. А было это в начале февраля месяца. Снег чистый-чистый, аж глаза слепит. Справа река — Ия прозывается. Берега отлогие, лесом заросли, деревья стоят снегом припорошенные.

Приволье, простор. Смотрю, значит, я вперед и по сторонам, любуюсь. И вдруг вижу такое… — Каменщик схватил спичечную коробку, положил ее на одеяло и стал наглядно показывать, как было дело. — Смекаете? Вот наша машина, — он прижал коробок рукой к одеялу, — а по обе стороны снег, — та же рука пригладила складки на одеяле, — а на снегу цветы. Такие махонькие цветочки, красные, словно наша гвоздика, и такими ровными рядками тянутся, как будто кто их специально высадил.

— Э, дядя, — откровенно рассмеялся один из парней, — мы хоть здесь и новички, да только не такие дураки, чтобы поверить, что на снегу цветы растут.

— Ты, парень, не торопись, я не сказку рассказываю, а доподлинную быль. Провалиться мне на этом месте, коли вру, — повысил голос каменщик. — Дай прежде кончить, а потом судить будешь, вру я или нет.

— Верно все говорит Петрович, — поддержал рассказчика Василий, откладывая газету в сторону.

— Гляжу, значит, я на эти самые цветы и глазам своим не верю, — продолжал каменщик. — Толкаю в бок шофера и спрашиваю: «Что за наваждение?» А он ухмыляется и отвечает: «Раскрой глаза пошире». Я присматриваюсь, даже стекло на дверце кабины опустил, чтобы видеть лучше, и что же — никаких цветов на снегу нет, а только пятнышки маленькие краснеют. Опять к шоферу: что да почему?

Он мне и поясняет. Это, говорит, кровь. Прошла по снегу косуля и оставила след кровяной. Погоды-то ясные, солнце сильное, морозы морозами, а снег сверху подтаивает, а потом его корочкой ледяной прихватывает. Как пробьет косуля копытом эту корку, — а края корки острые, как бритва, — кожу на ногах сдирает. Кожа-то у нее тонкая, нежная, Из ранок кровь сочится и цветочками на снег ложится. Вот оно что. А ты говоришь вру, — он победоносно взглянул на сомневающегося.

Тот было начал оправдываться, что, мол, не хотел его обидеть.

— Ладно уж, — добродушно отмахнулся каменщик, — что с тебя взять. Молодо — зелено. Однако слушайте дальше…

— Ты, Петрович, лучше бы рассказал им про Братск, — перебил его Василий, — они ведь туда едут, небось интересно узнать ребятам, что и как.

— Что Братск? — недовольно проворчал каменщик, которому не терпелось поделиться со слушателями своими впечатлениями. — Приедут и все сами увидят.

— Скажите, — вмешался в разговор командировочный, — как обстоит в Братске дело с гостиницей? Я имею в виду, существует

ли таковая, и если есть, то располагает ли необходимыми удобствами?

— Имеется гостиница, имеется, — опередив каменщика, ответил Василий, — это я точно говорю, а насчет удобств — не знаю, не живал в ней. — Он пожал плечами и усмехнулся. — Телевизоров, однако, думаю, пока еще нет.

— Вы меня не так поняли, — поспешил разъяснить командировочный, покоробленный ироническим ответом собеседника, — меня главным образом интересует, есть ли в гостинице отдельные номера, — он сделал озабоченное лицо, — вечерами придется много работать.

— Не знаю, уважаемый, чего не знаю, того не знаю. Может есть, а может и нет, — покачал головой Василий.

— А что, большой город Братск? — задал вопрос паренек, сидевший рядом с тем, который усомнился в правдивости рассказчика.

— Это как смотреть, — хитро прищурился каменщик. — Для тебя, может, покажется и небольшим впервой-то, а для нас он милее и больше многих иных. А то ли еще будет через год-другой. — В его словах звучала нескрываемая гордость за свой город. — Строится, растет наш Братск.

— Наш Братск, — задумчиво повторил паренек, о чем-то усиленно размышляя. — А почему Братск?

— То есть как это почему? — не понял каменщик. Остальные недоуменно переглянулись.

— Ну да, почему Братск? — упрямо повторил паренек, смущенно теребя занавеску на окне, — почему так назвали город? Ведь была какая-то причина так назвать его? Вот я и думаю, — он обвел пытливым взглядом всех присутствующих, — что назван он не просто так, а в честь человеческого братства. Я еще когда только собирался ехать сюда, долго раздумывал над этим вопросом. А как сел в поезд, увидел всех людей, едущих туда же, куда и я, послушал разговоры, точно меня осенило. Со всех концов стекается народ: я, к примеру, с Тамбовщины, они, — он кивнул в сторону своих спутников, — с Украины и с Урала, другие из иных мест. Вот и получается, что собираются на стройку отовсюду и братской семьей трудятся для общего блага.

— Ловко ты это придумал, малый, — откликнулся каменщик, ласково поглядывая на раскрасневшегося паренька. — Только опоздал ты, брат, со своим предположением. Братск — название не новое. Слыхивал я, что не одну сотню лет уже стоит селение, Братском именуемое. А в старину будто Братским острогом прозывалось оно. А вот почему его так окрестили, не скажу.

— Значит, Братск, не новый город? — несколько

разочарованно спросил паренек.

— Выходит, и новый и не новый, — пояснил каменщик. — Есть старый Братск, а по соседству вырос новый. Как хочешь, так и считай.

Воцарилось минутное молчание, которое было нарушено командировочным.

— Позвольте мне внести некоторую ясность относительно Братска, — сказал он. — Весьма похвально, что молодой человек проявляет такой интерес к этому вопросу. Любознательность — большое достоинство. — Он поправил очки, откашлялся и продолжал. — Братский острог основан еще в XVII веке нашими казаками-землепроходцами, как, кстати сказать, и многие другие поселения в Сибири. Между прочим, такие поселения называли острогами потому, что возводилась вокруг них прочная ограда. Служила она для защиты от неприятеля, а сооружалась из бревен и острых кольев, а подчас за оградой ставили и плетень. Ограда имела четырехугольную форму, на каждом углу строилась башня для дозорных. Одним словом, это была небольшая крепость.

— Вот-вот, теперь и я припоминаю, как у нас на стройке кто-то рассказывал об этом, — не утерпел каменщик и тут же осекся, — прощения прошу, помешал я вам…

— Ничего, ничего, — добродушно сказал командировочный, — спешить нам некуда, время есть. Ну-с, — продолжал он, — много в те годы понастроили казаки острогов, которые впоследствии превратились в большие селения и города. Так случилось и с Братском.

— А название? — нетерпеливо спросил паренек, требовательно глядя на рассказчика.

— Я как раз подхожу к этому пункту, молодой человек, — снисходительно усмехнулся командировочный, — да будет вам известно, что в Иркутской области проживало и проживает в настоящее время большое количество бурят. Они имеют там свой национальный округ — Усть-Ордынский. В те далекие времена, когда казаки-землепроходцы двигались на восток, им нередко попадались на пути кочевья и становища бурят. Казаки познакомились с этим народом и в своих отписках начальству сообщали об этом, называя бурят братскими. Когда был поставлен острог на Ангаре близ порогов, его казаки наименовали Братским, то есть Бурятским, по имени здешнего народа. Как видите, все очень просто объясняется.

— Ну что, парень, теперь успокоился? — добродушно спросил каменщик.

Тот хотел было что-то ответить, но в это время из репродуктора донеслось: «Граждане пассажиры, наш поезд

подходит к станции Тайшет. Стоянка поезда четырнадцать минут. В связи с опозданием стоянка может быть сокращена».

Все поспешили к выходу. Беседа прервалась.

Воспользовавшись тем, что место внизу освободилось, я спустился и, достав из чемодана несколько листов бумаги, стал записывать только что услышанное.

Гавань Петра и Павла

Постройка судов в Охотске подвигалась медленно. На многочисленные запросы и предупреждения Адмиралтейств-коллегии капитан-командор Беринг отвечал жалобами на трудности. И жить, мол, негде, и лесов и травы вокруг нет, а заготовленный лес для судов приходится сплавлять за тридцать с лишним верст. Беринг сидел у стола и с мрачным выражением лица перечитывал только что полученный из Петербурга указ Адмиралтейств-коллегии:

«…суда, ежели, паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достраивать и подлежащее все исправлять, и в путь свой отправляться безо всякого замедления, не утруждая, яко излишними, безо всякого действия переписками, и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, чрез всю его тамо бытность указами, найкрепчайше подтверждено, и в такое немалое время, весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно».

Читал он медленно, с трудом выговаривая некоторые слова и время от времени поглядывая на капитана Чирикова, внимательно слушавшего указ.

Закончив чтение, Беринг откинулся на спинку стула и вопросительно посмотрел на Чирикова.

— Какова будет ваша пропозиция, господин капитан?

— Господин командор, — голос Чирикова звучал взволнованно, — я мыслю, что долее мешкать неможно. Пользы ради отправьте меня на бригантине «Михаил» для осмотра земли, что лежит против Чукотского носу от Камчатки между нордом и остом и протчей западной стороны Америки. Осенью вернусь в Охотск.

— Того сделать никак нельзя, — покачал головой Беринг, — бригантина предназначена для капитана Шпанберга.

— Шпанберг может пойти осенью, когда бригантина возвратится, а если не возвратится, то Шпанберг может следовать на Камчатку на других судах, на боте «Гавриил», а на Камчатке взять бригантину и идти в путь свой, — с горячностью возразил Чириков. — Вам же, господин командор, с обоими пакетботами идти до Камчатки. В будущую весну мы вместе можем отправиться для отыскания американских берегов, лежащих от Камчатки между зюйдом и остом, чрез что я чаю было б поспешение к окончанию экспедиции нашей годом.

— Нет, — снова покачал головой Беринг, — оное с данной Адмиралтейств-коллегией инструкциею несогласно. Негоже будет нам самовольством заниматься. Почту за лучшее поспешить с окончанием постройки пакетботов.

Сдерживая готовые сорваться с языка резкие слова, Чириков поклонился и вышел из комнаты.

…Прошло четыре месяца со времени этого разговора, и наконец два пакетбота, сооружение которых тянулось годы, были готовы в путь. 8 сентября Охотск остался за кормой, и пакетботы, распустив паруса, устремились на восток. Первым шел «Св. Петр» под командованием капитан-командора Беринга, за ним — «Св. Павел», где капитаном был Чириков.

Плавание протекало спокойно. Попутный ветер наполнял паруса кораблей. Каждый день приближал мореплавателей к заветной цели, Камчатке, откуда им предстояло пуститься на поиски американских берегов.

Но вот вдали показались пока еще неясные очертания южной оконечности полуострова, мыса Лопатки, а на следующий день пакетботы входили в пролив, отделяющий Камчатку от самого северного из Курильских островов.

Капитан-командор Беринг и лейтенант Ваксель стояли рядом с штурвальным и напряженно следили за поверхностью моря. Вот-вот должен был появиться риф, разделяющий пролив надвое. Столкновение с ним означало бы неминуемую гибель.

Вдруг они ощутили сильный толчок, и «Св. Петр» резко замедлил ход.

— Лейтенант Ваксель, — отрывисто приказал капитан-командор, — немедля проверьте, нет ли пробоины в днище судна.

Ваксель поспешно бросился выполнять распоряжение начальника.

Тем временем волны, нагоняемые западным ветром, обрушивались сзади на пакетбот, разлетаясь тысячами брызг и пенясь у фальшбортов. Шлюпка, привязанная за кормой, то и дело ударялась об нее, порой ее так подбрасывало, что она оказывалась высоко над палубой.

Но несмотря на сильнейший напор ветра и волн, «Св. Петр» не двигался ни вперед, ни назад.

Между тем поднявшийся снова на мостик лейтенант доложил, что течи нигде не обнаружено.

Беринг рассеянно выслушал его доклад, продолжая отдавать команды штурвальным. Он уже понял, в чем причина столь необычной остановки корабля. Наблюдая за направлением ветра и волн, Беринг обнаружил, что «Св. Петр» очутился в проливе как раз в тот момент, когда приливная волна, двигающаяся с востока, вошла в столкновение с волнами, нагоняемыми сильным встречным ветром.

Положение создалось опасное. Малейшая ошибка, малейшее отклонение судна от ветра могли привести к его неминуемой гибели.

Команда выбивалась из сил, выполняя приказания капитан-командора.

Но вот постепенно напор приливной волны стал ослабевать, и «Св. Петр», скрипя снастями, медленно двинулся вперед. Все облегченно вздохнули. Опасность миновала.

27 сентября, спустя двадцать дней после отплытия из Охотска, пакетботы оказались в виду Авачинской губы — цели своего путешествия. Но войти в нее оказалось невозможным.

Непроглядный туман плотным серо-белым покрывалом окутал поверхность океана, скрыв от взоров мореплавателей вход в бухту. А когда туман начал рассеиваться, разразился жесточайший шторм.

Не оставалось ничего иного, как повернуть в открытое море и там переждать, пока буря утихнет. Только десять дней спустя ветер унялся, и 6 октября 1740 года изрядно потрепанные продолжительным штормом «Св. Петр» и «Св. Павел» бросили наконец якоря в просторной Авачинской бухте.

Пустынные берега ее оживлялись лишь несколькими строениями, сооруженными отрядом мичмана Елагина, посланным на Камчатку еще год назад. Рядом с тремя жилыми домами размещалось несколько магазинов[1].

Мичман и его подчиненные радостно приветствовали прибывших. Началась разгрузка пакетботов. Мореплаватели оставались здесь на зимовку.

* * *

Прошло много лет, и несколько строений на берегу Авачинской бухты превратились в большой благоустроенный город и крупнейший торговый порт советского Дальнего Востока. Этот город-порт называется Петропавловском-Камчатским, в честь первых русских судов, посетивших Авачинскую бухту.

«На крайнем конце»

Камчатка!

Почему этот громадный полуостров на Дальнем Востоке нашей страны носит такое наименование? С какими обстоятельствами связано возникновение этого географического названия?

В самом деле, почему? Ведь должно же быть какое-то объяснение происхождению этого наименования, — рассуждал я, без конца повторяя про себя слово Камчатка.

По странной ассоциации при этом в памяти всплывало другое слово — камчатный. Камчатка — камчатный, Камчатка — камчатный, — назойливо стучало в голове.

Я отлично понимал, что никакой связи между этими двумя словами быть не могло. Простое созвучие — не более. Посудите сами, какое может иметь отношение к происхождению названия полуострова Камчатка персидское слово «камчатный», означающее «сделанный из камки» — шелковой цветной ткани с разводами.

Камчатку мне посетить не довелось, и поэтому в поисках объяснения этого названия я вынужден был обратиться к литературным источникам. Впрочем, как меня уверили специалисты-историки, на месте я вряд ли узнал бы больше.

Вечер за вечером я просиживал в библиотеке, листая страницы словарей, справочников и энциклопедий и выискивая в них указания или хотя бы намеки, которые помогли бы мне дать удовлетворительное объяснение происхождению названия Камчатка. Но сведения, почерпнутые мною, были настолько лаконичны, отрывочны или противоречивы, что не позволяли представить себе ясной картины возникновения этого географического наименования. Разочаровавшись в справочной литературе, я обратился к сочинениям географов,

путешественников и исследователей, историков и этнографов, написанным в разное время.

И тут вскоре произошла знаменательная для меня встреча, которая помогла мне больше, чем все прочитанное раньше. Говоря «встреча», я выражаюсь, конечно, фигурально, в действительности никакой встречи не было, да простит мне читатель эту условность! Но читая с вниманием и, более того, с увлечением замечательную книгу Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изданную еще в середине XVIII века, я чувствовал себя так, будто беседую с знаменитым ученым и исследователем Камчатки, задаю ему вопросы, а он охотно и обстоятельно отвечает.

О, это была чудесная встреча и весьма поучительная беседа!

— Дорогой Степан Петрович, — обратился я к нему, — вы пробыли на Камчатке в общей сложности четыре года и изучили этот полуостров, что называется, досконально. Я знаю, что вы можете рассказывать о Камчатке бесконечно, но не хочу отнимать у вас времени и ограничусь лишь одним частным вопросом. На вас я возлагаю все свои надежды.

— Спрашивайте, милостивый государь, с охотой буду вам полезен, — церемонно отвечал Крашенинников чуть наклонив голову в напудренном парике.

— Видите ли, — взволнованно продолжал я, ободренный приветливостью знаменитого академика, — меня, собственно, интересует только вопрос о происхождении названия Камчатка. Я просмотрел множество самых разнообразных книг, но пока не уяснил себе, какой из версий, изложенных в них, отдать предпочтение. В одних высказывается предположение, что название полуострова и его жителей произошло от имени отважного воина Кончата, прославившегося среди своих соплеменников-камчадалов силой и доблестью; другие пишут, что коряки будто бы называли жителей Камчатки кончачал, означавшее на их языке «люди на крайнем конце», а русские впоследствии переиначили это слово в камчадал и весь полуостров стали называть Камчатка. Не сможете ли вы разъяснить, что более соответствует истине?

— О происхождении звания камчадал и Камчатки по одним токмо догадкам судить можно, — последовал ответ. — Некоторые пишут, аки бы помянутой народ камчадалами от россиан прозван по реке Камчатке, которая до их еще приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина Кончата, и аки бы россиане от тамошних язычников чрез знаки приметя, что великая оная река Кончатка по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. — Мой собеседник сделал паузу и значительно

посмотрел на меня. — Но сие есть искусный вымысел и предрассуждение: для того, что россианам с камчадалами чрез знаки говорить не было нужды, ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатский язык совершенно знают; что имя Кончат камчадалам неведомо, а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем, ибо камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют, но дают им имена по некоим свойственным им качествам или по сходству с другими вещами.

А Камчатка-река не Кончаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою называется. А с чего коряки камчадалов зовут хончало или кончало, о том, хотя за подлинно объявить и нельзя, для того, что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что хончало есть испорченное слово из коочь-ай, что значит жители по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется.

Которые же Кончата славным воином тамошних мест называют, те в одном том ошиблись, что храбрость оную одному человеку приписали, которую надлежало приписать всем еловским жителям, из которых каждый коочь-ай или, по-ихнему, кончат называется. Ибо сие самая правда, что еловские жители издревле почитались храбрыми и славны были перед прочими, чего ради и корякам как по соседству, так и по той знати под именем коочь-ай, которым они и от других камчадалов называются, были ведомы.

О перемене коочь-ай на хончала и хончала на камчадала, в рассуждении нарочитого сходства имен, немногие, чаю, сумневаться имеют, особливо которым известно, коим образом и в самых европейских языках чужестранные слова портятся, а по тамошним местам тысячи оному примеров показать можно.

А от людей, то есть камчадалов, имя и к реке и к полуострову пристало, который прямее Ханчаткою называться может.

Что же касается до слова кончачал, аки бы люди на крайнем конце у коряков именуемое, о том мне неведомо.

На этом закончилась моя воображаемая беседа со Степаном Петровичем Крашенинниковым. Я бережно закрыл старинный фолиант и задумался.

Рассуждения исследователя Камчатки были логичны и убедительны, и все же… И все же оставалось какое-то чувство неудовлетворенности. Смущали слова, с которых начал он свои объяснения: «О происхождении звания камчадал и Камчатки по одним токмо догадкам судить можно». «Как досадно, что это только догадки, — думалось мне, — а ведь я мечтал сообщить читателю нечто совершенно определенное».

Однако что же тут поделаешь. Пока придется довольствоваться тем, что есть, и принять объяснение Крашенинникова за более вероятное.

Памяти капитана-командора

Поистине положение было отчаянное.

Пакетбот «Св. Петр» блуждал в беспредельном пустынном пространстве неприветливого осеннего океана. Дождь сменялся градом, град — снегом, снег — снова дождем.

И так днем и ночью, неделя за неделей.

Ни луча солнца, ни кусочка чистого ночного неба с мерцающими звездами. Низкие свинцовые облака и ветер, ледяной, порывистый, не прекращающийся ни на мгновение.

О, этот ветер! Он чувствовал себя полноправным хозяином среди ветхих полуистлевших парусов, управлять которыми было некому.

Сломленные цингой, изнуренные голодом, люди настолько ослабели, что едва передвигались. На вахту к штурвалу шли по двое, поддерживая друг друга.

Больны были все, начиная с командира судна капитана-командора Беринга. Чуть ли не каждый день кого-нибудь недосчитывались — смерть неумолимо уносила свою добычу.

Вспоминая впоследствии об этих исполненных страданий днях, лейтенант Ваксель, участник плавания, рассказывал: «Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать».

В довершение ко всему мореплавателей страшила мысль, что в любой момент почти неуправляемый корабль может наткнуться на прибрежные скалы, — ведь никто из них не мог сказать, где они находятся.

И все же, несмотря на, казалось бы, полную обреченность, в сердце каждого, даже самого тяжелобольного, теплилась надежда на благополучный исход.

Как бы в подтверждение чаяний измученных людей, 4 ноября впереди по ходу судна показалась земля. Заснеженные горы бесформенно громоздились над горизонтом.

Весть об этом мгновенно разнеслась по всем закоулкам корабля. «Камчатка! Камчатка!» — слышались отовсюду счастливые голоса. Все собрались на палубе, не исключая и самых тяжелобольных, которые выползли наверх с помощью своих более крепких товарищей. Каждый хотел лично удостовериться в том, что показался берег, увидеть землю обетованную.

Больной, павший духом капитан-командор Беринг, не покидавший последние дни койки, изменил своему затворничеству и тоже с трудом поднялся на палубу. Возбуждение экипажа передалось и ему. Еще бы, разве это не великое счастье вернуться на Камчатку, избавиться от проклятой цинги, почувствовать себя возрожденным к жизни? Но Камчатка ли это?

Нетерпение и страстное ожидание команды возрастало. Все до боли в глазах всматривались в очертания приближающегося берега. Одним казалось, что они узнают характерные контуры камчатских сопок, другие клялись, что вот этот мыс, выдающийся с правой стороны, как две капли воды схож с мысом, лежащим при входе в Петропавловскую гавань.

Беринг внимательно наблюдал за землей, недоверчиво прислушиваясь к ликующим возгласам. Он не разделял восторгов своих подчиненных и сколько ни всматривался, не находил знакомых черт в береговой линии. Лишенный леса, дикий берег ничем не напоминал оставленных шесть месяцев назад мест.

По мере того как судно приближалось к земле, начинали понимать свою ошибку и все остальные. Лица вытягивались, глаза тускнели, умолкли разговоры. Воцарилась гнетущая тишина. Люди угрюмо расходились, не глядя друг на друга.

Переход от надежды к жестокому разочарованию усугубил и без того тяжелое состояние мореплавателей. Больные чувствовали себя хуже, потеряв всякую надежду на спасение. Капитан-командор, вернувшись в свою каюту, предался горьким размышлениям.

«Как быть? Продолжать ли плавание или высадиться на этом берегу?» Сознавая ответственность за доверенных ему людей, Беринг не знал, на что решиться. О себе он не думал, понимая, что доживает последние дни.

Впрочем, выход оставался только один — надо было покинуть корабль. Дальнейшее пребывание на нем не имело никакого смысла. Продовольствие и пресная вода подошли к концу, да и управлять судном по существу было некому. А земля, хоть и пустынная, вселяла какую-то надежду. Да и пустынна ли она?

Так и было решено на совете, собранном Берингом на следующий день.

В течение двух недель продолжалась перевозка людей на берег. Мучительная процедура. То, что для здоровых людей не составляло никакого труда, для обессиленных голодом и цингой мореплавателей казалось едва выполнимым делом. Спустить на воду шлюпку, перенести в нее имущество, больных — все это отнимало невообразимо много времени.

Уходили последние силы, и требовался длительный отдых, чтобы восстановить их.

Наконец корабль обезлюдел и, закрепленный на якоре, остался покачиваться на волнах под порывами непрекращающегося ветра. Все понимали, что покинутый пакетбот не удержится здесь долгое время. Поэтому никто не удивился, не обнаружив однажды корабля на привычном месте. Он был сорван с якоря усилившимся ночью ветром и выброшен на подводные камни, обильно усеивавшие прибрежные воды.

Итак, все пути были отрезаны. Оставалось ожидать результатов рекогносцировки двух разведывательных групп, посланных обследовать землю, на которую забросила судьба мореплавателей. Оставшиеся с трепетом ожидали их возвращения. Дни ожидания казались вечностью.

Увы! Печально было возвращение разведчиков. Ни на юге, ни на севере не обнаружили они никаких следов человека. По всем признакам это были еще совсем необжитые места. Песцы, морские бобры и другие животные, во множестве встречавшиеся им на пути, не обращали на людей никакого внимания. Не довольствуясь этими доказательствами, путники с трудом взобрались на высокую гору, чтобы осмотреть дальние окрестности. Каково же было их отчаяние, когда в западной стороне острова они увидели полоску океана, подобную той, какая виднелась на востоке.

Остров! Дикий, неприютный остров, покрытый снегом! Впереди холод, голод, мучительная смерть. Сомнений более не оставалось.

День ото дня морозы крепчали, и голодные, обессилевшие люди никак не могли согреться. Живые не расставались с мертвыми, так как были не в состоянии вынести трупы из землянок.

Капитан-командор Беринг быстро угасал. 8 декабря началась агония. Тело его дрожало в мелком ознобе, зуб на зуб не попадал. Мечтая хоть немного согреться, он потребовал, чтобы его закопали в землю, оставив на поверхности только голову. Люди угрюмо исполнили его последнюю волю, понимая, что роют

могилу своему командиру. Спустя некоторое время Беринга не стало.

* * *

Это трагическое событие произошло во время Второй Камчатской экспедиции, предпринятой с целью отыскания пролива между Азией и Америкой, впоследствии названного Беринговым. Было это в 1741 году.

От голода и болезней погибла только часть спутников Беринга. Остальные, питаясь мясом морских бобров, котиков и тюленей, восстановили свои силы и с приходом весны энергично взялись за постройку судна из обломков севшего на мель пакетбота. К 10 августа 1742 года сооружение корабля, названного также «Св. Петром», было завершено, а спустя семнадцать дней он благополучно входил в Авачинскую бухту.

Остров, на котором скончался капитан-командор Беринг, был впоследствии назван его именем, а вся группа островов, к которой он принадлежит, Командорскими.

Охота — Охотск — Охотское море

Как часто мы заблуждаемся, пытаясь объяснить происхождение того или иного географического наименования, будь то город или река, озеро или залив, море или гора, сходством, зачастую довольно близким с каким-нибудь словом, употребляемым нами в обиходе.

Но любопытное дело! Почти никогда такого рода объяснения не соответствуют истине.

А, казалось бы, чего проще. Берешь, скажем, географическую карту, видишь, что с западной стороны полуостров Камчатка омывается водами Охотского моря, и думаешь: «С Камчаткой было не так-то легко разобраться, да спасибо Степану Петровичу Крашенинникову, помог, а вот с Охотским морем и гадать-то нечего. Тем более тут же на его побережье и город Охотск располагается, и река Охота несет свои воды в море, неподалеку от города. И чего тут голову ломать, когда все предельно ясно — и река, и город, и море от одного корня берут начало. Охота — вот этот корень».

Эх, видно, хороша была охота в тех краях, коли казаки-землепроходцы нарекли море, реку и город этим именем.

Так, казалось бы, легко и просто можно было бы объяснить происхождение сразу трех географических наименований.

Но если представить на мгновение, что отважные землепроходцы, пересекшие необозримые пространства Сибири и вышедшие к берегам Тихого океана в славную эпоху Великих русских географических открытий, ожили и услышали такого рода предположения, они бы весело расхохотались.

Вдоволь насмеявшись, они бы рассказали, что в 1639 году их отряд во главе с Иваном Москвитиным перевалил через последний хребет на востоке и спустился к морю. Служилые люди обследовали берег этого моря на значительном протяжении и

встретили здесь местных жителей — ламутов, родственных тунгусам.

От ламутов Москвитин и его спутники впервые услышали слово «окат», означавшее на их языке река. По имени ламутов казаки назвали море Ламским, а словом окат нарекли одну из многочисленных рек, впадающих в Ламское море, переиначив его на русский лад. Так появилось название реки Охота. В устье этой реки был заложен острог, который также получил наименование Охотского.

Но, для того чтобы выяснить до конца обстоятельства, при которых Ламское море стало называться Охотским, недостаточно свидетельств казаков-землепроходцев, потому что это произошло значительно позже, спустя сто лет после первого появления русских на его берегах.

Уже знакомый нам капитан-командор Беринг, начальник Второй Камчатской экспедиции, нуждавшийся в базе для строительства судов, на которых он собирался плыть на Камчатку и далее на поиски пролива между азиатским и американским материками, по каким-то причинам предпочел в шести верстах от старого острога, основанного казаками-землепроходцами, заложить новое поселение, которому дал название Охотск.

С тех пор, как полагают, и море стало именоваться Охотским, по имени порта, который явился отправным пунктом для крупнейших морских экспедиций того времени.

Островной город

Неподалеку от Архангельска, примерно в ста километрах от него, а может быть, и несколько более, выше по течению реки Северной Двины на географической карте обозначен маленький кружок, рядом с которым выведена надпись: «Холмогоры».

Кто-нибудь из читателей, возможно, удивленно пожмет плечами и подумает: «И чего это взбрело в голову автору вспоминать о каких-то ничем не примечательных Холмогорах. Таких, мол, населенных пунктов в Советском Союзе хоть пруд пруди».

Но спешу сразу же опровергнуть такие поспешные суждения.

Как можно утверждать, что Холмогоры ничем не примечательны? Разве не известно, что они знамениты тем, что дали миру такого великого ученого, как Михаил Васильевич Ломоносов?

А кроме того, спросите любого животновода, и он вам не задумываясь скажет, что Холмогоры заслужили известность своей породой крупного рогатого скота. Холмогорский скот славится высокими качествами и у нас в стране, и за ее рубежами.

Как видите, город этот, оказывается, весьма примечателен, и уже хотя бы по одному этому стоит задержать на нем ваше внимание.

Но дальше речь пойдет о его наименовании.

Что значит Холмогоры? Как возникло название этого северного города?

На первый взгляд может показаться, что ответить на поставленный вопрос совсем не сложно. Само название как бы говорит за себя. Холмы, горы. Не то холмы, не то горы. А может быть, и холмы, и горы. А в общем Холмогоры, нечто среднее между тем и другим.

К такому выводу не так уж трудно прийти, рассуждая, если можно так выразиться, прямолинейно. Но достаточно повнимательнее взглянуть на карту, чтобы тотчас же возникли сомнения относительно правдоподобности такого предположения.

— Где же горы или холмы? — спросит вполне резонно читатель. — Ни того, ни другого нет и в помине в нижнем течении Северной Двины. Вот островки у Холмогор есть, против этого и возразить нечего. А горы… — и он на этот раз с полным основанием удивленно пожмет плечами.

И будет совершенно прав. Действительно, ни гор, ни холмов там нет. Но причина возникновения названия Холмогоры кроется не в случайном созвучии слов: холмы и горы.

Чтобы найти объяснение этому наименованию, нам придется мысленно перенестись чуть ли не на тысячелетие назад, в X и XI века, к тем временам, когда посредничающие в торговом обмене варяги, хозары и болгары избрали в качестве обменного пункта островок на Северной Двине при впадении в нее реки Пинеги.

На этом острове были сооружены специальные помещения для хранения товаров, которые привозили для обмена торговые люди.

Норманны, или варяги, как их именовали наши предки, называли торговое поселение на острове — Хольмгард, что в переводе с их языка означало «островной город».

В этом обозначении, видимо, и кроется разгадка происхождения названия Холмогоры. Холмогоры — не что иное, как русская форма норманского слова Holmgard.

Впрочем, есть и другое объяснение, которое производит название Холмогоры от финского слова колмэ — три. Но чего три? Горы? Острова? Непонятно. Поэтому второе объяснение кажется менее убедительным, и мы отдадим предпочтение первому.

Сапожок

Сапожок. Этот маленький городок в Рязанской области привлек мое внимание своим забавным названием. Сразу на память пришли слова моего приятеля Орлова, приведенные в рассказе «Меч Мамая», и я с улыбкой подумал: «А не потому ли город получил такое название, что кто-нибудь, проезжая в этих местах, ненароком обронил свой сапожок?»

Ведь пытаются объяснить происхождение названия города Яхромы тем, что через этот город некогда проезжала какая-то важная барыня. Карета ее будто бы застряла в грязи, образовавшейся после проливных дождей, и ей пришлось покинуть карету и пройтись пешком. И что при этом якобы она в крайнем недовольстве заявила: «Я хрома». Эти «исторические» слова, по утверждению некоторых, и послужили будто бы основанием для того, что назвать так город.

«Почему нечто подобное не могло случиться и с Сапожком», — подумалось мне. Но сколько я ни искал каких-либо намеков, которые могли бы подтвердить мою догадку, все было напрасно.

Тогда я обратился снова к не признающему романтики Орлову и на одной из страниц его обширного труда обнаружил строки, имеющие самое прямое отношение к интересующему меня вопросу.

Ни один сапожник ни прямо, ни косвенно не причастен к появлению названия Сапожок, убедился я, прочитав эти несколько строк. Все выглядело куда более прозаично. Конечно, жаль было расставаться с такой заманчивой версией, но что поделаешь. Объяснение Орлова имело строгое обоснование, а мое… у меня, собственно, никакого объяснения не было.

Итак, какими судьбами Сапожок стал именоваться Сапожком?

Большинство городов на Руси, утверждает Орлов, получили свои имена от рек, на которых они стоят. И Сапожок не составляет исключения из этого правила.

Слышали вы о реке по имени Пожва? Нет? А о реке Сапожва? Тоже нет? Так имейте в виду, что Сапожва это приток Пожвы и на ее берегу в старину образовалось поселение, которое стало именоваться также Сапожва. С течением времени жители переиначили название и реки и поселения на Сапожвок, А еще позднее Сапожвок превратился в Сапожок.

Кому первому пришла в голову такая мысль, неизвестно, да это, собственно, и не столь важно. Важнее то, что нам удалось проследить эволюцию названия Сапожок и установить корни его происхождения. А это главное.

У семи палат

Бывают случаи, когда названия объясняются совсем просто и не содержат в себе какого-то скрытого смысла.

На берегу Иртыша, несущего свои быстрые воды в могучую полноводную Обь, раскинулся город Семипалатинск — один из областных центров Казахстана, город с большим будущим, как и многие другие города бурно развивающейся республики казахского народа.

Но одновременно с этим Семипалатинск город и с большим прошлым, ибо его основание восходит к началу XVIII века. Как видите, возраст его исчисляется уже двумя с половиной столетиями.

Отыскивая корни происхождения названия Семипалатинск, я, как всегда, обратился к источникам, которые не раз помогли мне в этом нелегком деле, — к историческим книгам.

Вопреки моим ожиданиям ответа не пришлось долго искать. Никаких неожиданностей, как было, например, с Сапожком, Холмогорами или Охотским морем. В данном случае элементарное расчленение названия города на два слова — семь палат — давало исчерпывающее объяснение.

Итак, от семи палат и возникло название Семипалатинск.

Но что это за семь палат? Откуда они взялись? Наконец, при каких обстоятельствах произошло крещение города? Эти вопросы мне не хотелось оставлять без ответа, и я предпринял дополнительные поиски.

Все объяснялось совсем просто. В 1718 году здесь, на берегу Иртыша, была поставлена русскими крепость, в которой разместился воинский гарнизон. Эта крепость и явилась ядром будущего города. В последующие годы она не один раз переносилась на новое место, постепенно отдаляясь от берега реки из-за частых наводнений.

При первоначальном возведении крепости неподалеку от нее строителями были обнаружены остатки семи каменных строений, носившие следы древнего происхождения. По этим-то семи строениям — палатам, как их называли в те времена русские, и было дано наименование сооруженной крепости — Семипалатная. А разросшийся впоследствии вокруг крепости город стал именоваться Семипалатинском.

Мрак и свет

Древнегреческий миф о дочери сидонского царя красавице Европе, похищенной царем богов Зевсом, гласит следующее.

…Богат и могуществен владыка финикийского города Сидона Агенор. Всего у царя вдосталь: плодородны и обильны поля, тучны стада, в гавани покачиваются на волнах многочисленные корабли, сокровищницы полны золота и серебра.

Всем щедро одарили боги Агенора. Но превыше всех богатств лелеял царь свою юную дочь, прекрасную Европу, которая сияла красотой, подобно богине любви Афродите. Прелестная девушка беззаботно росла, весело резвясь с подругами на берегу моря, собирая цветы.

Царь Агенор не мог наглядеться на свое бесценное детище, утешение приближающейся старости. Не раз молил он бессмертных богов отвратить от его нежно любимой дочери все беды и несчастья, не разлучать его с нею.

Но иная судьба предназначалась красавице Европе. Суждено ей было стать женой эгидодержавного[2] Зевса, который однажды увидел девушку и пленился ее божественной красотой.

Как-то раз, вернувшись с берега моря, где она беспечно веселилась в кругу своих подруг, Европа, усталая и довольная, прилегла отдохнуть. Сон смежил ее очи.

Спит красавица Европа и видит дивный сон…

Две прекрасные женщины, олицетворяющие одна Азию, а другая — материк, отделенный от Азии Средиземным морем, борются между собой. Каждая напрягает силы, каждая стремится одержать верх над другой. Ведь той, кто победит, будет принадлежать Европа. Борются женщины, ни одна из них не хочет уступить право на девушку другой. Долго длится борьба. Но вот начинает клониться Азия, будучи не в силах противостоять своей

сопернице. Все ниже и ниже склоняется она к земле, скорбными глазами смотрит на испуганную трепещущую девушку. Обидно ей, взлелеявшей Европу, отдавать свое детище другой.

В смятении проснулась юная красавица и побежала к отцу рассказать о странном видении, посетившем ее во время сна.

— О отец мой, — воскликнула она, дрожа всем телом и обнимая колени царя, — неспокойно у меня на душе, чует мое сердце, что суждено нам скоро расстаться! Не оставляй меня без защиты! А я буду ежечасно молить богов о помощи.

Смутился Агенор, выслушав сбивчивый рассказ своей дочери, но не подал виду.

— Не печалься, возлюбленная дочь моя, — отвечал он, — твои страхи напрасны. Нет причин у богов гневаться на меня и на мою невинную дочь. — Он нежно обнял Европу и, поцеловав ее в лоб, продолжал: — Забудь свои опасения и иди к морю, тебя, наверно, уже заждались подруги. Веселись и не думай ни о чем дурном.

Успокоенная Европа поцеловала отца и, нарядившись, поспешила на берег, покрытый изумрудной травой и яркими цветами. Там ее встретили ликованием и песнями юные сидонянки. В играх и забавах незаметно текли дни.

Однажды, когда по обыкновению дочь Агенора со своими подругами бродила по прибрежному лугу, собирая ароматные цветы и складывая их в свою золотую корзинку, день был особенно тих и прекрасен. Солнечные лучи ласкали лица резвых сидонянок, воздух был напоен ароматом свежих цветов и трав. Море нежно плескалось о берег, умеряя полуденный зной. Радостно было на душе у девушек, смех и песни не переставали звучать, уносясь далеко в поднебесье.

В разгаре веселья одна из девушек заметила приближающегося к ним быка и, испуганно вскрикнув, указала на него остальным подругам. В страхе все было бросились бежать, но, увидев, что бык не преследует их, остановились, а затем до того расхрабрились, что подошли к животному и стали с любопытством его разглядывать.

Никогда еще не приходилось им видеть столь дивного быка. Шерсть его лоснилась и переливалась золотистыми бликами, а голову украшали два золотых рога.

От минутного страха не осталось и следа. Девушки тесной толпой окружили чудесное животное, гладили его золотистую шерсть. Не отставала от других и Европа. Она заглядывала в кроткие глаза быка и нежно целовала его морду. Бык отвечал лаской на ласку, лизал руки юной красавицы, терся носом о ее свежие румяные щеки. Излив свои чувства, бык улегся у ног

Европы. Дочь сидонского царя шаловливо уселась на его спину, приглашая подруг последовать ее примеру.

Хотели было девушки усесться рядом со своей госпожой — им нравилась игра с необыкновенным быком, — но не успели этого сделать. Едва бык почувствовал на своей спине Европу, он вскочил на ноги и, как вихрь, помчался к берегу моря.

Напрасно Европа молила своих подруг о помощи, напрасны были вопли и крики перепуганных насмерть сидонянок. В мгновение ока домчался бык со своей драгоценной ношей до моря и погрузился в его прохладные волны.

Быстро плывет бык, рассекая могучей грудью морскую гладь. Европа в страхе схватилась за его золотые рога, боится она погибнуть в бездонной пучине. Не ведает юная дочь Агенора, что сам громовержец Зевс похитил ее с намерением сделать своей женой. С ужасом озирается она вокруг, ожидая неминуемой гибели.

Уже скрылись вдали берега родной Финикии. Кругом безбрежное море. Ласково плещет оно вокруг быка, ни одна капля не попадает на одежды трепещущей девушки. Покорно расступаются волны перед божественным быком. Бог моря, колебатель земли Посейдон, плывет впереди на своей колеснице[3], пролагая безопасный путь своему царственному брату.

Но вот видит Европа впереди в туманной дымке берег земли. Все ближе и ближе берег. Уже не плывет бык, а легко ступает по ровному песчаному дну и выносит девушку на цветущий берег. С любопытством озирается Европа, не может налюбоваться великолепием окружающей природы. Вспоминает она сон, так взволновавший ее. Догадывается девушка, что этот вещий сон послали ей боги. Отныне здесь будет ее родина, здесь станет она женой Зевса и родит ему могучих и мудрых сыновей.

* * *

Так объясняет древнегреческий миф возникновение названия материка Европы.

Однако существует другая и, очевидно, более правдоподобная версия, согласно которой название материков Азия и Европа было дано ассирийцами, господствовавшими в Лидии на полуострове Малая Азия в XIII веке до нашей эры. Они называли свою страну, а вместе с нею и весь полуостров acu —

восход (солнца), а противолежащий на западе материк irib, ’ereb — мрак, запад. Греки, очевидно, заимствовали эти названия и именовали запад ἔρεβος, εὐρωπός. Отсюда, видимо, и возникло наименование европейского материка.

Столица Эллады

Это было в те незапамятные времена, когда возник спор о власти над прекрасной Аттикой[4] между братом тучегонителя[5] Зевса, повелителем морей богом Посейдоном и любимой дочерью громовержца богиней мудрости и знаний грозной воительницей Афиной.

Упорствовали Посейдон и Афина, не уступали друг другу, лестно им было получить во владение эту страну. Затянулась тяжба богов. Пришли они на Олимп[6] к Зевсу и попросили разрешить их спор. Задумался Зевс, нахмурил брови. Но вот просветлело его прекрасное лицо.

— Хорошо, — сказал он, веселым взглядом окидывая собравшихся на Олимпе богов, — будь по-вашему. Пора покончить с этой затянувшейся распрей. Но не ждите от меня решения. Завтра мы все соберемся на Акрополе[7], воздвигнутом Кекропом[8], и предоставим ему право рассудить вас.

Склонили головы Посейдон и Афина перед волей властителя богов и людей.

На следующий день, едва только розовоперстая Эос[9] позолотила небосклон, сошлись олимпийские боги в назначенном месте на сооруженном Кекропом Акрополе в ожидании суда.

Явился и основатель Акрополя Кекроп. Смиренно взирал он на светлых богов, неведомо было ему, с какой целью почтили они его своим посещением.

Когда все оказались в сборе, поднялся Зевс во весь свой могучий рост и обратился к Кекропу. Голос его звучал ласково и спокойно.

— Трудолюбивый Кекроп! Собрались сюда олимпийские боги не для того, чтобы карать тебя за какие-то провинности. Напротив. Мы пришли к тебе, чтобы испросить совета и разрешить возникший между Посейдоном и Афиной великий спор. Ты своими руками воздвиг этот Акрополь и строишь вокруг

него город. Тебе суждено стать первым царем Аттики. Кому же, как не тебе, разрешить этот спор.

Поник головой Кекроп. Понимал он, какую трудную задачу предстояло ему решить. Ведь какое бы решение он ни принял, один из богов станет его врагом и будет его преследовать до конца жизни. Отогнал он печальные мысли, понадеялся на милость Зевса и так ему ответствовал:

— Приказывай, о великий Зевс, готов я исполнить твою волю, и да будет сопутствовать мне твое покровительство.

Усмехнулся в бороду царь богов, понравился ему хитрый ответ Кекропа.

— Слушай же меня внимательно, мудрый Кекроп, — сказал он. — Спорят между собой Посейдон и Афина, кому из них должна принадлежать власть над Аттикой. И решил я передать власть тому, кто принесет стране более ценный дар. А ты должен оценить те дары, которые они предложат. От того, какой дар ты признаешь более ценным, и будет зависеть мое решение, кому отдать власть над Аттикой.

Умолк Зевс. Кекроп склонил голову в знак повиновения.

Встал тогда Посейдон, сидевший по правую руку от своего царственного брата, поднял трезубец и с великой силой ударил им о гранитную скалу, возвышавшуюся рядом с Акрополем. Содрогнулась вокруг земля, раскололась скала и из недр ее фонтаном поднялся мощный столб соленой морской воды.

— Отныне вечно будет здесь бить этот источник, — горделиво произнес он и возвратился на свое место.

Едва Посейдон умолк, поднялась богиня Афина. Прекрасна и величава была мудрая дочь громовержца Зевса. Любовались ею все боги. Потрясла она своим копьем, которое не в силах был поднять ни один из смертных, и вонзила его в почву. Тотчас же из того места, куда вонзила богиня свое копье, поднялась прекрасная вечнозеленая олива, усыпанная золотистыми плодами. С восторгом и благоговением смотрел Кекроп на все происходящее. Дивился он могуществу олимпийских богов. Насладившись зрелищем плодоносной оливы, он сделал шаг вперед и сказал:

— О великий Зевс и вы, всемогущие боги! Взгляните вокруг. Разве не хватает смертным соленой морской воды? Безграничны морские просторы. Но не видел я нигде на земле прекрасной плодоносной оливы, приносящей радость и достаток людям. Счастье и благоденствие сулит людям дар мудрой богини. Ей по праву принадлежит власть над этой благословенной страной. Таково мое решение. — И Кекроп отступил, скромно опустив глаза.

— Разумные слова произнес этот смертный! — воскликнул Зевс, обращаясь к другим богам. — Не ошибся я, доверив ему рассудить этот спор. Да будет так, как порешил Кекроп. Отныне власть над Аттикой и городом, основанным этим человеком, будет принадлежать моей дочери. Здесь будет построен храм покровительнице Аттики, а дочери Кекропа да будут первыми жрицами святилища.

Царствуй, Кекроп, будь мудр и справедлив, и прославится твой город в веках.

Покинули боги Акрополь и вознеслись на Олимп. А Кекроп принялся вновь за возведение города, который назвал в честь защитницы и покровительницы Аттики — Афинами.

* * *

Кроме изложенного выше древнегреческого мифа, объясняющего возникновение названия греческой столицы, существует также предположение, что наименование Афины происходит от греческого слова Atenei, что означает в переводе возвышенный, так как город расположен на возвышенном месте.

Полуостров Пелопса

В Лидии[10], что на западе полуострова Малая Азия, в городе Сипил правил царь Пелопс, сын Тантала.

После смерти отца ему достались несметные богатства — золотые рудники, плодородные поля, сады и виноградники, обширные стада. Не видать бы ему всего этого, томиться бы в царстве теней — Аиде[11], если бы не всеведение олимпийских богов, которые разгадали злодейский замысел его отца Тантала.

Жестокий и высокомерный Тантал пользовался любовью и благоволением отца своего Зевса[12] и других олимпийцев, часто бывал у них в гостях на Олимпе и принимал у себя бессмертных богов, вкушая вместе с ними божественную пищу — амбросию и нектар[13].

Однажды, вознамерившись проверить, насколько всеведущи боги, Тантал пригласил их к себе на пир и приказал подать блюдо, приготовленное из мяса собственноручно зарезанного им сына, юного Пелопса.

Ужаснулись боги, уразумев, какое страшное преступление совершил Тантал, не дотронулись они до кощунственного блюда. Разгневался громовержец Зевс. Повелел он быстрокрылому Гермесу[14] возвратить невинного юношу к жизни, а его жестокого отца низверг в подземное царство Плутона[15]. Не удовлетворившись этой суровой карой, Зевс повелел своему брату, царю аида, придумать для Тантала наказание, какого еще не испытывал ни один смертный.

С тех пор пребывает Тантал в аиде, терзаемый жаждой и голодом, мучимый постоянным страхом. Он стоит по горло в воде, а над его головой свешиваются спелые фрукты и гроздья винограда. Но стоит ему нагнуться, чтобы напиться, и вода пропадает; стоит ему протянуть руку, чтобы сорвать плод, и ветер

отклоняет ветви. Его воспаленный взгляд невольно обращается к скале, нависшей над ним. Она едва держится, вот-вот сорвется и погребет под собой обреченного. Дикий страх стесняет его дыхание. Безмерны страдания Тантала.

А его дивно спасенный сын Пелопс принял бразды правления царством в свои руки. Тем временем царь Трои[16], прослышав об участи, постигшей некогда любимого сына Зевса, Тантала, вознамерился захватить все его богатства и изгнать Пелопса из Сипила, воспользовавшись его юностью и неопытностью. Могуществен был царь Трои, великое собрал он войско. Не смог Пелопс отразить его натиск, защитить свои владения. Единственное осталось Пелопсу — спасаться бегством. Приказал он перенести на корабли все свои богатства и отправился по бурному морю искать новую родину. Много дней плыли изгнанники по пустынным волнам, пока вдали не показалась земля. Это был полуостров на крайнем юге Греции. Путники высадились на нем и решили здесь обосноваться.

Неподалеку от места, где поселился Пелопс, стоял город Писа, властителем которого был царь Эномай. Молва о нем и его прекрасной дочери Гипподамии разнеслась далеко за пределы страны. Много героев приезжало в Пису, чтобы посвататься за красавицу Гипподамию. Но никто из них не возвращался к себе на родину, все они находили смерть от руки царя Писы, а их головы украшали двери дворца Эномая.

Каждому из претендентов на руку Гипподамии властитель Писы ставил одно условие: чтобы получить в жены его дочь, каждый из них должен был сначала принять участие в состязании на скорость с ним, Эномаем, на колеснице и обязательно добиться победы. Если же Эномаю удастся догнать смельчака, то он пронзит его своим копьем. Предлагая такое условие, царь Писы был заранее уверен в своей победе, ибо не было во всей Греции человека, который мог бы сравниться с ним в искусстве управления колесницей, и не было во всей Греции коней, которые могли бы обогнать коней Эномая, быстрых, как ветер.

Прослышал Пелопс о красоте Гипподамии и о том, сколько славных героев погибло в состязании за обладание ею, и загорелся мыслью добыть дочь Эномая себе в жены. А как увидел он ее, ни о чем больше не захотел думать. Великая любовь вспыхнула в его сердце.

Не захотел Пелопс откладывать задуманное и тут же явился к царю во дворец.

— Кто ты, о юноша? — мрачно вопросил его Эномай, сразу догадавшись, зачем тот пришел.

— Имя мое Пелопс, — гордо выпрямившись, ответил молодой

герой, — я сын Тантала, царя Сипила.

— Что скажешь, Пелопс? Я слушаю тебя.

— Пришел я к тебе, о царь Писы, чтобы просить руки дочери твоей Гипподамии, красоте которой нет равной во всем мире.

— А ведомо ли тебе, неразумный, что придется тебе расстаться с жизнью, подобно тем, чьи головы ты видел на воротах моего дворца? — злобно улыбаясь, спросил Эномай.

— Тебе не удастся запугать меня, царь! — воскликнул Пелопс. — Я твердо верю, что сумею победить тебя, да помогут мне олимпийские боги!

— Пусть будет по-твоему, — ответствовал Эномай. — Запомни же условия состязания. Завтра утром ты должен отправиться в путь на своей колеснице. От моего города ты будешь скакать через весь полуостров до жертвенника великого владыки морей Посейдона[17], что у города Коринф на Истме. Тем временем я совершу жертвоприношение громовержцу Зевсу и последую затем за тобой. И берегись! Не будет тебе пощады, если не сумеешь ты меня опередить и первым не достигнешь жертвенника. Тогда и твоя голова украсит двери моего дома. Дорогой ценой ты заплатишь за желание стать мужем моей Гипподамии. Иди же и готовься к смерти!

Провожаемый зловещим смехом царя Писы, Пелопс покинул дворец. Тревожно было у него на душе. Понимал он, что только чудо или хитрость помогут ему одолеть жестокого Эномая. «Но как перехитрить его? До завтрашнего дня так мало времени!»

Повинуясь внезапной мысли, Пелопс возвратился во дворец и разыскал возничего царя Эномая, Миртила. Только Миртил в состоянии был ему помочь в завтрашнем состязании.

Они уединились в укромном месте, и Пелопс принялся уговаривать возничего, суля богатые дары, оказать ему помощь. Миртил должен был, по замыслу Пелопса, готовя колесницу царя, сделать так, чтобы во время погони у нее соскочили колеса с осей. Это бы задержало на некоторое время Эномая и дало бы возможность Пелопсу доскакать к жертвеннику первым.

Сколько ни уговаривал Пелопс возничего, тот никак не мог решиться на этот шаг. Пелопс все увеличивал обещанную награду, и, когда наконец он поклялся, что отдаст Миртилу половину своих богатств, если тот выполнит его просьбу, возничий не устоял перед соблазном и дал согласие.

Беспокойно спал в ночь накануне состязания Пелопс. Невольно его мысль обращалась то и дело к Миртилу. «А что, если он обманет и не выполнит уговора? Тогда неминуема смерть от копья непреклонного Эномая».

Рано утром, едва рассвело, Пелопс, вознеся молитвы

бессмертным богам, взошел на колесницу и застыл в ожидании, когда появится Эномай, чтобы совершить жертвоприношение Зевсу.

Как только тот приблизился к жертвеннику и приступил к совершению обряда, Пелопс громовым голосом ободрил коней, и колесница понеслась. Подобно вихрю, мчится Пелопс, то и дело подгоняя коней ударами хлыста. Развевается на ветру его одежда, искры летят из-под копыт лошадей. Нет-нет да оглянется Пелопс, не нагоняет ли его царь Эномай.

Вот властитель Писы показался из-за поворота, и кажется, что не по земле скачет он, а несется по воздуху. С каждым мгновением все ближе и ближе к Пелопсу колесница Эномая. В руке у царя копье, которым он приготовился поразить смельчака, осмелившегося состязаться с ним в скорости.

Не миновать Пелопсу гибели, если бы Миртил не сдержал данного обещания. В тот миг, когда Пелопс уже прощался с жизнью, услышал он за собой вдруг страшный треск и оглянулся. Колесница Эномая разбитая лежала на земле. Тут же распростерся поверженный царь Писы. Он был мертв.

Так и не удалось жестокому Эномаю избежать судьбы, предсказанной ему оракулом[18]. Предсказание гласило, что ему суждена смерть от руки мужа его дочери. Поэтому-то он и препятствовал своей дочери выйти замуж, убивая всех искателей ее руки.

Погиб царь Эномай, ничто не мешало более Пелопсу осуществить свою мечту жениться на красавице Гипподамии. Победителем возвратился он в Пису и, взяв в жены дочь погибшего Эномая, стал править его царством.

С тех пор и получил полуостров, где правил Пелопс, его имя и стал называться Пелопоннесом.

Скала Тарика

События, описанные ниже, изложены в Акбар-Маджмуа, собрании документов испано-арабской литературы, древние манускрипты которого хранятся и по сей день в Париже.

В этом уникальном собрании документов, живописующих эпизоды истории тысячелетней давности, содержится множество чрезвычайно любопытных фактов, но я ограничусь лишь пересказом истории о скале Тарика.

I

Граф Юлиан, правитель Сеуты[19], неистовствовал. Он метался из угла в угол, как загнанный зверь, изрыгая проклятья на голову короля вестготов[20] Родерика. Лицо правителя побагровело от бешенства, на лбу надулись крупные жилы, глаза налились кровью.

— Презренный выскочка! Дьявольское отродье! — брызгая слюной, выкрикивал он, потрясая в сильнейшем гневе руками. — Ты дорого заплатишь мне за бесчестье моей дочери! О подлый!

Граф бросился в кресло и, закрыв лицо руками, горестно простонал:

— Моя несчастная дочь! Будь проклят тот день, когда я решил отправить тебя в Испанию! — Но тут же снова вскочил и, сверкнув глазами, прорычал: — Клянусь мессией[21], ничтожный Родерик, я свергну тебя с престола, который ты незаконно захватил, и вырою яму под твоими ногами!

Вспышка неистового гнева обессилила графа. Он грузно

опустился в кресло и глубоко задумался. Но грудь его тяжко вздымалась, глаза свирепо поблескивали под насупленными бровями, а рука то и дело судорожно сжимала рукоятку заткнутого за пояс кинжала.

Бушевавшая в его груди буря ушла вглубь и время от времени напоминала о себе.

Гонец, принесший весть, столь разгневавшую правителя Сеуты, невозмутимо наблюдал за своим господином. Он понимал, что поругание чести графа требует отмщения, и терпеливо ждал, какие последуют приказания.

Но граф молчал. Погруженный в свои мысли, он забыл о существовании гонца, и тот стоял, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь нарушить гнетущую тишину.

Наконец правитель Сеуты встрепенулся и оглядел комнату.

— Аа, — мрачно произнес он, заметив злополучного вестника, — ты еще здесь?.. Ступай к начальнику отряда, охраняющего ворота в город, и передай ему мое повеление слово в слово.

Слушай меня внимательно. Ты скажешь, что я приказываю ему тотчас же отправиться в лагерь мавров, осаждающих Сеуту, и передать их военачальнику, что правитель города готов вступить с ним в переговоры. Что я облекаю его правом договориться о месте и времени встречи со мною руководителя мавританского войска. Подтверждением истинности твоих слов послужит этот перстень. — Граф снял с пальца кольцо и передал гонцу. — А теперь отправляйся да побыстрее.

II

Который день уже стоят войска арабского военачальника Мусы ибн-Нусайра под стенами Сеуты. Тщетны все усилия мусульман овладеть этим оплотом Византийской империи[22] на северном побережье Африки. Город стойко сопротивляется, многочисленный флот подвозит подкрепления и продовольствие.

И вдруг совершенно неожиданно граф Юлиан объявил, что готов прекратить сопротивление. Он пошел даже дальше: предложил свою помощь и поддержку, если мусульмане последуют его совету и предпримут попытку напасть на королевство вестготов.

Муса ибн-Нусайр, радостно удивленный таким оборотом дела, обдумывал предложения правителя Сеуты. Он находил их

весьма соблазнительными и предвкушал все выгодные последствия этого предприятия в случае удачи.

Предводитель арабов даже зажмурил глаза от удовольствия, представив себя в роли непобедимого полководца, покорителя Испании. Но тут же стряхнул с себя это сладостное наваждение. А нет ли коварства в поведении графа Юлиана? Не ловушка ли это? Да и к тому же прежде надо получить разрешение калифа[23], без него он не может ничего предпринять.

Муса громко хлопнул в ладоши. Полог шатра откинулся, и бесшумно появился слуга.

— Это ты, Али? — не оборачиваясь, спросил предводитель арабов.

— Да, господин, — почтительно ответил тот, опускаясь на колени и целуя его ногу.

— Седлай коня, Али, и собирайся в дальний путь, — повелительно произнес Муса ибн-Нусайр. — Тебе предстоит отвезти письмо великому повелителю правоверных калифу Валиду, да хранит его аллах на долгие годы. Завтра с рассветом ты должен покинуть лагерь. Скачи день и ночь, чтобы как можно быстрее доставить мое послание. Письмо получишь после того, как я его продиктую. А теперь иди, готовься в дорогу, и да сопутствует тебе милость аллаха.

— Слушаю и повинуюсь, — не поднимаясь с колен, сказал Али, затем проворно вскочил на ноги и, пятясь, вышел из шатра. Муса ибн-Нусайр проводил его рассеянным взглядом и снова погрузился в приятные размышления о великом будущем, которое его ожидает.

III

Ответ калифа Валида гласил, что на первый случай следует послать в Испанию раззию[24] и по возможности не подвергать мусульман опасностям моря.

Получив разрешение действовать, Муса ибн-Нусайр не стал мешкать. Он призвал одного из своих подчиненных Абу Зора Тарифа и приказал его готовиться к походу.

— Возьмешь четыреста человек и сто лошадей, — сказал он ему, — и переправишься через пролив. Повелитель правоверных внял моим просьбам и милостиво разрешил открыть военные действия против «собак»-неверных короля Родерика. Но будь осторожен во время переправы, чтобы слуги аллаха не погибли в

морской пучине.

Высадка отряда Абу Зора Тарифа на берег была осуществлена благодаря помощи графа Юлиана, предоставившего в распоряжение мусульман свои корабли.

Арабы, едва очутившись на земле Испании, тотчас же двинулись в глубь территории и вскоре оказались вблизи города Алхесираса. Напасть на город они не рискнули из-за своей малочисленности, а ограничились тем, что разграбили окрестности и, захватив богатую добычу, в том числе большое количество серебра и молодых красивых женщин, вернулись к берегу, погрузились на корабли и отплыли обратно в Африку.

Ибн-Нусайр был доволен результатом первой вылазки отряда Абу Зора Тарифа. Он не замедлил послать гонца в Дамаск, чтобы известить калифа о первом успехе, а сам тем временем продолжал обдумывать дальнейшие планы.

Легкость, с которой Абу Зора Тарифу удалось высадиться в Испании, и безнаказанность его действий вселяли в Мусу уверенность, что ему удастся без особого труда завоевать королевство вестготов. В его голове зрел план нового похода, но уже с более значительными силами, которые были бы в состоянии противостоять войску Родерика.

IV

Минул год. Наступило лето 711 года.

В проливе, отделяющем Иберийский полуостров[25] от африканского побережья, и на его берегах наблюдалось сильное движение. Близ Сеуты слышался многоголосый говор, конское ржание, бряцание оружия. Смуглые бронзоволицые берберы в белоснежных тюрбанах всходили на корабли, которые затем пересекали пролив, чтобы оставить их на противоположном берегу.

Четыре корабля один за другим пересекали пролив, перевозя людей, оружие, лошадей. Это была нелегкая задача: как можно быстрее перебросить все семь тысяч воинов, составлявших отряд Та́рика ибн-Зийяда.

Сам начальник войска переправился на испанский берег в числе первых. Он осмотрел ближайшие окрестности, и его опытный глаз сразу же приметил скалистую гору, неприступность которой давала большие преимущества тому, кто на ней расположится. Тарик ибн-Зийяд не преминул воспользоваться

этим укреплением, созданным самой природой, и приказал прибывающим воинам сосредоточиваться на скале.

Одновременно он как предусмотрительный военачальник послал лазутчиков, которые должны были сообщать ему о возможном приближении вражеских войск.

Спустя некоторое время, когда большая часть его отряда уже оказалась по ту сторону пролива и прочно закрепилась на Кальпе (так в древности называлась эта скала), примчался один из разведчиков. Едва переводя дух, он сообщил, что король вестготов Родерик, прослышав о высадке арабов, собрал большое войско и спешно двигается сюда, чтобы разгромить мусульманский отряд. Король уверен в успехе — под его началом войско в сто тысяч человек.

Тарик ибн-Зийяд, обеспокоенный тревожным известием, немедленно отрядил гонца к Мусе ибн-Нусайру с просьбой прислать подкрепление.

Тем временем возвращавшиеся в лагерь лазутчики подтверждали сообщение первого. Они доносили, что Родерик грозится потопить нехристей в море до единого. Но, добавляли они, ходят слухи, что в его войске нет единодушия и согласия. Сыновья бывшего короля вестготов Витицы, трон которого после его смерти силой и обманом захватил Родерик, ненавидят узурпатора. У них немало сторонников, и они не преминут убрать его с дороги при первой возможности. А в войске они занимают важные посты.

Ибн-Зийяд внимательно выслушал донесения разведчиков и нетерпеливо ожидал обещанных Мусой подкреплений.

Когда посланные с африканского берега пять тысяч человек присоединились к его отряду, он покинул скалу и во главе двенадцатитысячного войска выступил навстречу Родерику.

5 шавваля 92 (по мусульманскому летосчислению) или 14 июля 711 года, арабы и вестготы сошлись в долине реки Гуадалете, неподалеку от нынешнего города Кадис.

Разразилась кровопролитная битва.

Силы были слишком неравны, и, казалось, победу без труда одержит Родерик. Но на деле получилось иначе. Командовавшие флангами войска Родерика сыновья Витицы Сизиберт и Оппас решили, что настал час расплаты с ненавистным Родериком.

Предательство сыновей Витицы резко изменило ход сражения. Не встречая сопротивления на флангах, мусульмане усилили нажим на центр армии короля вестготов. Воины Родерика не выдержали натиска; началась паника, и… битва была безнадежно проиграна.

Тарик ибн-Зийяд, окрыленный чудесной удачей, бросился

преследовать отступавших, чтобы закрепить успех.

* * *

Такова эта история. А теперь несколько слов о неприступной скале Кальпе, которую Тарик ибн-Зийяд облюбовал как место сосредоточения своего отряда.

После того как на ней стояло лагерем мусульманское войско, скала получила новое наименование — Джебель аль-Тарик, что означает в переводе с арабского — гора Тарика. А впоследствии и мыс, который венчает эта грозная скала, и пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном, и город у подножия горы, и военно-морская крепость, построенная здесь англичанами в XVIII веке, стали именоваться Джебель аль-Тарик, или, в европейской транскрипции, Гибралтар.

Англичане, проживающие в Гибралтаре, часто называют его просто rock — скала, а себя rock people — народ скалы.

Два острова

Исландия и Гренландия! Справедливости ради следовало бы произвести обмен названиями этих двух островов. Но велика сила традиции и привычки у людей. Поэтому ограничимся скромным сознанием того, что теперь нам известны обстоятельства, при которых возникли эти географические наименования, столь несоответствующие природным особенностям упомянутых островов. А повинны в такой «путанице» норманны…

Норманны — так называли в седую старину жителей полуостровов Ютландии и Скандинавии в Западной Европе. Варяги — под этим именем они были известны народам, населявшим Восточную Европу.

Море было стихией норманнов. Они смело пускались на своих суденышках в дальние плавания, бесстрашно вступая в единоборство с бурями и ураганами.

Норманны везли с собой рыбу и кожи, единственное богатство, которым располагали, чтобы обменять их на другие продукты.

Но более прибыльным было не торговать, а брать даром то, в чем они нуждались. Поэтому не одно купеческое судно подверглось нападению и пало жертвой стремительных набегов этих пиратов далекого средневековья, не один город на берегах Западной Европы был разграблен и опустошен ими. В совершенстве познав искусство пиратского промысла, норманны охотились за торговыми судами, ловко используя для этого извилины береговой линии — бухты и заливы, которых так много в Северном море.

Викинги — дети заливов — под таким именем были они известны в Европе. А их предводители носили гордый титул конунгов — морских королей.

Бесстрашные мореплаватели, они надолго уходили от родных берегов и свои опустошительные набеги распространяли на юг, на восток и на север, огибая Западную Европу и проникая в Средиземное море, посещая побережье Баренцева и Белого морей, а некоторые смельчаки прокладывали дороги в еще неведомые страны…

* * *

Гордые независимые конунги, привыкшие считаться только с собственными желаниями, вместе с приверженцами покидали Норвегию. После окончательной победы короля Гаральда Прекрасноволосого, приведшей к объединению страны под его верховной властью, не оставалось ничего иного. Им ли, сотни раз вступавшим в единоборство с диким и строптивым морем и одолевавшим его, покориться королю Гаральду? Нет! Тысячу раз нет!

Одно за другим отплывают из Норвегии судна викингов. Куда они держат путь, что они найдут? Это им неведомо. Но они плывут в таинственную даль сурового океана, презрев страх и полные неясных надежд.

Вот одно из таких судов. Много дней прошло с тех пор, как оно покинуло берега родной Норвегии. Конунг Флоки ведет его.

Вперед! Порывистый ветер буйно треплет гриву его белокурых волос, соленые брызги ударяют в обветренное лицо. Вперед!

Перекрывая грохот волн и завывание ветра, несется вдаль песня викингов. «Буря, — поют они, — помогает рукам наших гребцов, нам служит ураган и несет нас куда мы хотим».

Конунг Флоки, прислушиваясь к песне и подпевая вполголоса, зорко смотрит вперед и по сторонам.

Уже позади остались Фарерские острова, последний форпост норманнов в Атлантическом океане, а он твердо помнит, что несколько лет назад его соотечественники, плывшие из Норвегии к Фарерам, будучи не в силах совладать с разразившимся ураганом, были отнесены далеко к западу и оказались вблизи большой гористой земли.

Вскоре другой корабль викингов тоже достиг большой гористой земли. Мореплаватели обогнули ее и убедились, что это крупный остров.

Рассказы об острове, приукрашенные всевозможными

подробностями о его достоинствах, достигли ушей конунга и оставили след в цепкой памяти.

Вперед! Быть может, привольные земли вновь открытого острова станут для него и его соратников новой родиной! Флоки с тревогой и надеждой смотрит вперед.

Но какой избрать путь, чтобы достигнуть острова?

Он подзывает одного из викингов и отдает ему какое-то приказание. Тот поспешно удаляется на корму и вскоре возвращается, держа в руках черных как смоль птиц. Это вороны. Конунг берет одну птицу и, подержав ее несколько мгновений, выпускает на волю.

Расправив крылья, ворон стремительно взвивается ввысь и улетает.

Куда? Флоки и его спутники с жадным вниманием следят за удаляющейся черной точкой. Вещая птица должна указать им правильный путь.

Но что это? На лицах викингов появляется выражение недоумения и тревоги. Ворон летит в том направлении, откуда они только что приплыли. Он возвращается к Фарерским островам. Неужели и им следовать за ним? Нет! Это не входит в планы мореплавателей. Надо попытаться еще раз.

Флоки берет вторую птицу и швыряет ее вверх. И опять все взгляды с надеждой устремляются на маленький живой комок, парящий в воздухе.

Плавно взмахивая крыльями, ворон описывает несколько кругов над кораблем, как бы раздумывая над тем, какой избрать путь, и вдруг опускается обратно на палубу, не выказывая никакого желания ее покидать.

Невольный крик разочарования вырывается из груди викингов. Флоки мрачнеет — второй раз неудача. Если в третий раз повторится то же самое — значит, богам неугодно задуманное им предприятие.

Приняв из рук викинга последнюю птицу, конунг несколько минут не решается выпустить ее, охваченный суеверным страхом. Ведь от нее так много зависит.

Окружающие как завороженные не отводят глаз от рук своего предводителя. Они полностью разделяют чувства конунга и с трепетом ждут решения своей судьбы.

Но вот Флоки наконец решается, и третий ворон взмывает к низко нависшим над океаном серым тучам. Так же, как и у первой птицы, в его движениях не заметно нерешительности. Он быстро и уверенно удаляется от судна и вскоре скрывается из глаз в той стороне, где садится солнце.

— Путь указан! — громовым голосом восклицает конунг. —

Вперед! — И глаза его снова сверкают буйной отвагой.

Викинги подхватывают возглас своего вождя. «Вперед! Вперед!» — передается из уст в уста. И снова над океанским простором реет их гордая песня: «Буря помогает рукам наших гребцов, нам служит ураган и несет нас куда мы хотим».

Проходит несколько дней, и на горизонте показывается гористый остров. Судно Флоки входит в один из фиордов. Цель достигнута.

Прибрежные воды фиорда кишат рыбой, и Флоки решает не тратя времени на поиски другого места, остаться здесь на зиму, которая уже близка.

Вскоре грянули морозы. Зима была снежная и суровая. Неприхотливые, привыкшие с детства к лишениям, люди мужественно переносили все невзгоды. Но скот, привезенный из Норвегии, гиб.

Падеж скота, снег, покрывший толстой пеленой землю, льды, загромоздившие поверхность фиорда, едва не привели к гибели викингов. И когда наступила весна, Флоки покинул негостеприимный остров и вернулся на родину. Ему эта земля казалась непригодной для заселения.

Не удивительно поэтому, что, возвратившись в Норвегию, норманны назвали землю, на которой им пришлось зимовать, Исланд — Ледяной землей.

* * *

Описанные события относятся к началу семидесятых годов IX века, и хотя последователи не разделяли оценки вновь открытой земли, данной конунгом Флоки, и заселили ее впоследствии, название Исландия сохранилось за этим островом, покрытым в летнее время сочными лугами и окруженным богатейшими рыбными угодьями.

* * *

Неприветливый, пустынный океан простирался вокруг. Над его необозримыми просторами низко нависли хмурые свинцовые тучи, время от времени разражавшиеся моросящим дождем. Дул

холодный пронизывающий ветер.

Одинокий корабль, переваливаясь с волны на волну, медленно, но неуклонно продвигался вперед.

Далеко позади остались берега Исландии, этого гористого острова, где покрытые вечным льдом вершины гор так причудливо сочетаются с огнедышащими вулканами.

Норманны, которым принадлежал затерявшийся в океане корабль, покинули Исландию навсегда, чтобы более туда не возвращаться.

Найти какую-нибудь землю, где можно было бы обосноваться, край, который должен стать новой родиной, — вот о чем мечтал каждый из них, вот чего жаждал их предводитель Эрик Рыжий.

В его памяти еще было свежо воспоминание о том, как по всей Норвегии, в городах и маленьких деревушках, во всеуслышание провозглашалось повеление короля:

«Бежавшего убийцу Эрика, по прозвищу Рыжий, осквернившего свой меч невинной кровью, объявляю вне закона и изгоняю его из пределов моих владений. Это мое повеление остается в силе до тех пор, пока означенный Эрик Рыжий честной и правдивой жизнью не искупит своей вины и не заслужит прощения всесильных богов.

Под страхом сурового наказания запрещаю давать убийце приют и оказывать ему какое-либо снисхождение или помощь. Пусть изопьет на чужбине преступник горькую чашу изгнанника. Да будет так!»

Изгнанный из Норвегии суровым указом короля, Эрик пытался обосноваться в Исландии. Но и там, вспыльчивый и невоздержанный по натуре, он восстановил против себя местных жителей. Когда чаша терпения переполнилась, исландцы также изгнали Эрика Рыжего и его приспешников.

И вот Эрик Рыжий с немногочисленными своими соратниками, не пожелавшими оставить его в одиночестве и решившими разделить его участь, бороздит северные воды Атлантического океана в поисках пристанища.

Где оно, это пристанище? Какое оно? Быть может, на земле, которую он откроет, пожелают поселиться и другие его соотечественники, которым тесно у себя на родине?

Где-то в этом полуночном краю должна находиться большая земля. О ее существовании Эрик Рыжий не раз слышал от скальдов[26], воспевавших былые подвиги норманнов. В одной из песен говорилось, что корабли под предводительством славного Гунбьерна были занесены сильнейшей бурей далеко на северо-запад от Исландии и оказались затертыми льдами в виду покрытой снегами и льдом земли. Отважные мореплаватели

прошли к ней по скованному льдом океану и осмотрели ее угрюмые берега, а спустя некоторое время, когда изменившийся ветер разогнал льды и освободил корабли из ледового плена, норманны благополучно вернулись на родину. Было это два десятилетия назад, в 920 году…

Вот бы найти эту землю! Кто знает, быть может, она и послужит изгнанникам новой отчизной.

Да, надо во что бы то ни стало найти эту землю…

— Земля! — раздался крик с носа корабля.

Эрик приложил руку ко лбу и устремил зоркий взгляд вперед. Там сквозь серую пелену дождя едва вырисовывалась серая громада берега.

Что это за земля? Велика ли она? Пригодна ли для жизни? Все эти вопросы проносились в голове изгнанника, пока корабль приближался к ней.

Вскоре норманны подошли к неизвестной земле настолько, что могли различить, несмотря на туман, очертания побережья. Чем-то родным повеяло на них от этих неведомых берегов. Они были изрезаны бесчисленными фиордами. Но суровы были фиорды, их склоны покрывали сползающие к морю зеленовато-белые языки мощных ледников, а берега блокировали сплошные льды.

— Повернем туда, — отрывисто бросил Эрик и указал пальцем в юго-западном направлении, — надо искать место получше.

В течение нескольких дней норманны плыли вдоль угрюмых берегов, но картина оставалась прежней. Фиорды — сплошное нагромождение скал и льдов — сменялись один другим, и не видно было им конца и края.

Но с каждым днем становилось теплее, в воздухе чувствовалось дыхание весны, чаще проглядывало солнце, пробивая толщу тумана. Оно вселяло надежду в сердца отверженных.

И вот долгожданный день настал. Корабль поравнялся с заливом, скрытым от взоров мореплавателей высокими скалами. Эрик Рыжий решительно повернул в узкий проход, и тут глазам изумленных норманнов открылась поистине дивная картина. Пологие склоны залива были покрыты изумрудным ковром травы. Вдали возвышались уступы гор, отгораживая этот райский по сравнению с тем, что видели норманны прежде, уголок от суровых и беспощадных северных ветров.

Грубые обветренные лица бездомных скитальцев осветились улыбками, глаза заискрились радостью. Даже на лице их неистового предводителя появилось некое подобие улыбки, и он

буркнул:

— Это как раз то, что мы искали. Клянусь О́дином[27] — настоящая зеленая земля. Пожалуй, здесь можно будет расположиться.

— Нынешний год мы проведем здесь, — торжественно продолжал он, — построим дома и обживемся, а затем вернемся в Исландию, расскажем, как хорошо и удобно мы устроились, и вы увидите, что люди просто повалят сюда. Ручаюсь, что у нас не будет недостатка в соседях… А теперь за дело, приготовьтесь к высадке.

* * *

Так появилось название Гренландия, что в переводе с норвежского означает Зеленая земля.

Гренландия — страна льда и снега. Только около шестой части ее территории освобождается от снега на несколько летних месяцев. Но название, данное первооткрывателями, сохранилось и по сей день на всех картах мира.

В исландских хрониках времен Эрика Рыжего есть упоминание, что он намеренно дал такое заманчивое наименование обнаруженной земле, суровой и бесплодной, чтобы привлечь туда колонистов. Так ли в действительности было, или не так, трудно утверждать с полной достоверностью. Известно только, что спустя три года он вернулся в Исландию, получил прощение и вскоре вновь ее покинул в сопровождении многочисленных переселенцев, которые выразили желание отправиться с ним навсегда в Гренландию.

Страна-деревня

Жак Картье был полон самых радужных надежд. Скрестив руки на груди, он стоял на палубе корабля, вперив горделивый взгляд в проплывающие мимо лесистые берега широкой полноводной реки. О, он еще покажет, на что способен «веселый корсар» Жак Картье… Спору нет, его имя небезызвестно во Франции и за ее пределами, он уже давно прославился своими лихими нападениями на испанские и португальские корабли. Но такая слава его больше не удовлетворяла, хотелось другого: известности покорителя заморских земель, открывателя новых стран.

Ведь недаром он совершает второе путешествие к берегам Северной Америки по приказу наихристианнейшего короля Франции Франциска I. В этом приказе недвусмысленно сказано, что ему, Жаку Картье, надлежит завершить открытие западных стран, лежащих в том же климате и под той же широтой, что и владения французского короля.

В первом путешествии, из которого Картье возвратился в прошлом, 1534, году ему удалось достигнуть устья этого большого водного потока, названного им рекой Св. Лаврентия. Перед тем он ознакомился с берегами Лабрадора и Ньюфаундленда. Картье презрительно усмехнулся:

— Лабрадор, Ньюфаундленд! Разве можно назвать землей эти безжизненные берега, где он видел одни только голые скалы да камни. Там и воза земли не набралось бы на протяжении сотен лье[28].

Нет, не о таких владениях для своего короля мечтал он.

Совсем другое дело берега реки, вверх по которой поднимались его корабли. Вид их был многообещающим. Великолепные леса с породами деревьев, подобных тем, какие произрастают на его родине, часто встречающиеся индейские

селения — все это не могло не радовать глаз. А «река смерти», как называли ее индейцы? Правда, угрюмые скалистые берега этого мрачного водного потока, впадающего в реку Св. Лаврентия почти у самого его устья, производили гнетущее впечатление, но среди обломков скал, усеивавших берега, Картье обнаружил, как ему показалось, породы, сопутствующие золоту. А это что-нибудь да значило.

Жак Картье еще раз с удовлетворением окинул взором расстилающуюся перед носом корабля гладь реки, которая искрилась под лучами яркого полуденного солнца, словно расплавленное серебро. Это как нельзя лучше гармонировало с мыслями веселого корсара. Он снова усмехнулся, но вспомнив свое теперешнее положение, принял горделивую позу и, небрежно обернувшись, сделал знак стоящей несколько поодаль группе офицеров приблизиться.

— Господа, — внушительно произнес он, — насколько я могу судить, мы подходим к тем самым быстринам и сужениям реки, о которых нам приходилось слышать не один раз от туземцев. Обратите внимание, как тесно сходятся там берега, — он протянул руку вперед. — Да и течение заметно усилилось. Прошу поэтому удвоить внимание и быть все время начеку. Тысяча чертей! У меня нет ни малейшего желания перевернуться вверх дном… тем более теперь, когда мы находимся на пороге великих открытий.

— Во Франции мы прослыли бы самыми неостроумными людьми в случае подобного исхода нашего предприятия, — заметил помощник Картье, задорно покручивая пышный ус.

— Клянусь честью, лейтенант, ваш довод неотразим, — усмехнулся Картье, — сделайте необходимые распоряжения. Вы знаете, как я дорожу своей репутацией.

Все разошлись по местам, и десятью минутами позже помощник капитана уже докладывал о принятых им мерах предосторожности.

— Вы передали предупреждение на другие корабли? — озабоченно спросил Картье.

— Разумеется, капитан. Все исполнено, и у вас не должно быть причин для беспокойства.

Картье удовлетворенно кивнул головой и, пощипывая нервными пальцами короткую бородку, продолжал наблюдать за медленно сближающимися берегами реки.

— Так вот как выглядит этот узкий проход, который индейцы называют неблагозвучным именем Квебек, — отвечая своим мыслям, вслух произнес он, разглядывая отвесные берега и стремительно несущиеся между ними воды реки, и тут же

оживленно добавил, обращаясь к своему помощнику: — Э, да здесь есть люди! Взгляните, лейтенант!

— Бьюсь об заклад, капитан, — отозвался помощник, не отрывая глаз от левого берега реки, — сейчас мы увидим большое селение. Видите дым, поднимающийся из-за тех вон деревьев?

Действительно, в той стороне, куда указывал лейтенант, видно было более десятка столбов дыма, спиралью врезывавшихся в небосвод.

— Селение, должно быть, большое, — согласился Картье. — Да вот и оно! — вскричал он, увидев показавшиеся из-за высокой, поросшей лесом скалы первые вигвамы. — Эй, Антуан, подай шпагу и пистолеты.

Слуга, слонявшийся поблизости, опрометью бросился выполнять приказание своего хозяина.

— А вы, лейтенант, распорядитесь спустить шлюпки, я еду на берег.

— Будет выполнено, капитан, — почтительно фамильярно отвечал помощник, старый соратник Картье в его морских похождениях. — Если я не ошибаюсь, — он лукаво подмигнул, — вам готовится достойная встреча. У этих краснокожих, несомненно, есть природное чутье.

— Они обладают тем, чего вам всегда недоставало, любезный друг, — отпарировал Картье. — Однако поторапливайтесь с шлюпками. На ваших остротах я далеко не уеду.

Пока шлюпки спускали на воду, Картье с интересом следил за происходящим на берегу. Его помощник не без основания упомянул о торжественной встрече. В селении наблюдалось сильное движение. Между вигвамами сновали женщины, бегали с визгом и криками дети, мужчины группами стекались к берегу. До корабля доносились их возбужденные гортанные голоса, перекликавшиеся между собой.

Когда шлюпки французов уткнулись в прибрежные камни, на берегу уже собралась внушительная толпа индейцев. Часть из них, как только Картье и его спутники вступили на землю, начала ритмичный танец, исполненный непередаваемой грации, сопровождая его пением. Остальные подхватили напев.

— Не правда ли, они очаровательны? — ухмыльнулся в свои пышные усы помощник, следовавший за Картье. — Но, создатель, к чему весь этот шум?

— Терпение, лейтенант, терпение, — сохраняя на лице торжественное выражение, отвечал Картье. — Вообразите, что это не ваши уши, а уши его величества Франциска I и что почести, расточаемые нашими гостеприимными хозяевами, направлены в его адрес.

Тем временем от толпы отделилась небольшая группа, во главе которой выступал пожилой, но крепкий и статный индеец. Пышный головной убор и та почтительность, с которой расступались перед ним его соплеменники, не оставляли сомнений в его высоком сане.

Приблизившись к французам, предводитель индейцев остановился. Пение и пляски немедленно прекратились. Тогда вождь заговорил. Он торжественно произносил непонятные европейцам слова. Индейцы с вниманием прислушивались к речи своего главы. Когда он кончил, они разразились криками одобрения. Затем вождь приложил руку к животу, а потом протянул ее в сторону селения.

— Надеюсь, капитан, — не утерпел снова лейтенант, наклонившись к уху Картье, — вы не откажетесь от угощения, которое столь любезно предлагает нам этот почтенный человек. Во всяком случае из всей его речи я понял только заключительный весьма красноречивый жест. Итак, последуем за ним и посмотрим, чем нас будут потчевать.

Картье сделал вид, будто он не слышал легкомысленной болтовни своего помощника. Хотя он ничего не разобрал из того, что говорил вождь, ему было ясно, что речь старого индейца была дружелюбной. Подвижное лицо капитана осветилось покровительственной улыбкой, он с внушительным видом шагнул вперед и начал ответное слово.

Выразив благодарность за приветливую встречу, Картье с места в карьер объявил все окружные земли владением французской короны и выразил уверенность, что вождь и все его соплеменники будут счастливы приобщиться к истинной, христианской религии.

— Довольно вам коснеть в язычестве! — с пафосом воскликнул он.

Едва Картье произнес эти слова, несколько человек отделились от его свиты и, подойдя к толпе, начали раздавать медные крестики, предварительно поднося их к губам ни о чем не догадывавшихся индейцев. Вождю крестик вручил собственноручно сам капитан.

Пока длилась эта церемония, из лодки был вынесен большой деревянный крест, на котором крупными буквами выделялись слова: «Эта земля принадлежит королю Франции Франциску I». Крест водрузили на берегу и надежно закрепили камнями.

Вождь с невозмутимым выражением лица наблюдал за действиями пришельцев. Он терпеливо ожидал. Когда крест, наконец, был укреплен, предводитель индейцев повторил свой жест, приглашающий прибывших следовать за ним.

В центре селения перед самым большим вигвамом горел яркий костер. Приблизившись к нему, старый вождь опустился на землю, сделав знак, предлагавший гостям последовать его примеру. При этом он показал справа и слева от себя.

Французские офицеры не замедлили занять указанные им места. Вслед за ними расположились вокруг костра и все остальные. Наиболее уважаемые представители племени сидели, все прочие тесным кольцом окружили сидящих.

В руках старого вождя появилась деревянная трубка, набитая не то травой, не то листьями коричневого цвета. Ловким движением он извлек из костра небольшой уголек, положил его в трубку и несколько раз затянулся, выпустив затем изо рта голубоватый клуб дыма. Сделав три или четыре затяжки, вождь передал трубку Картье, знаками предлагая ему проделать то же самое.

Изумленный Картье хотел было отказаться, но вовремя сообразил, что церемония, в которой ему предлагали принять участие, имела какое-то символическое значение, и не стал нарушать ее. Подражая предшественнику, он взял трубку и затянулся. Вдохнув в себя изрядную порцию дыма, он ощутил во рту и в носу неприятное жжение и щекотание, какое бывает, когда разгрызешь зернышко перца. Огромным усилием воли Картье сдержал готовый уже вырваться кашель и дрогнувшей рукой отдал трубку соседу. Лицо его побагровело, на глазах невольно выступили слезы. Стараясь сохранить достоинство, он привычным жестом разгладил усы и бороду, чтобы хоть как-то прикрыть лицо.

Тем временем трубка совершала свой путь вокруг костра, пока не достигла лейтенанта. С ним произошло то же самое, что и с его начальником, который с тайным злорадством наблюдал за мучениями своего товарища, постоянно донимавшего его насмешками и остротами.

После того как традиционная трубка была выкурена, завязалась неторопливая беседа. Картье пытался втолковать индейцам, как могуществен французский король, которого он здесь представляет, и как будут счастливы индейцы, находясь под его покровительством, сулил им всяческие блага. Те в свою очередь изъявляли готовность заключить дружбу с чужеземцами. Весь разговор происходил при помощи знаков и выразительной мимики.

В заключение Картье, уже прощаясь, обвел рукой селение, подразумевая все окружающие земли, и спросил у вождя, какое название носит его страна.

— Канада, — с готовностью ответил тот, полагая, что

пришелец спрашивает, как на его языке зовется селение.

— Вы заметили, лейтенант, — задумчиво сказал Картье помощнику, когда они уже садились в шлюпку, — мы уже не в первый раз слышим это слово. Ниже по реке туземцы говорили то же самое. Очевидно, вся эта страна называется Канада.

* * *

Обширные плодородные земли, открытые французским мореплавателем Жаком Картье и его спутниками в северной части североамериканского материка в тридцатых годах XVI века, первоначально получили название Новой Франции, а впоследствии стали именоваться Канадой. Так вследствие ошибки Картье слово «канада» (или «каната»), означавшее на индейском языке селение, распространилось на всю огромную территорию лежащую к северу от Соединенных Штатов Америки.

Цветущий полуостров

Губернатор острова Пуэрто-Рико Хуан Понсе де Леон в волнении ходил по веранде своего дома, нервно похлопывая хлыстом по ботфортам.

Он только что возвратился из поездки на дальние плантации и на обратном пути чуть не загнал лошадь.

Да и как мог он оставаться спокойным, в который уже раз выслушивая рассказы стариков индейцев о чудесном Бимини, острове вечной молодости, Святая Мария! Окунуться в волшебный источник, возвратить утраченную юность, горячую кровь, крепость мышц, гладкую кожу. Пальцы Понсе де Леона невольно потянулись к лицу и разгладили глубокие морщины. О, если бы найти этот остров, какое это было бы великое счастье!

Если верить рассказам местных жителей (а де Леон им верил), остров Бимини, на котором бьет источник вечной молодости, где-то совсем недалеко. Искать его следует в северном направлении от Пуэрто-Рико. Почему бы не попытаться это сделать?

Собственно, он в душе давно уже решил пуститься на поиски чудесного острова, но не мог осуществить свою заветную мечту, так как до последнего времени не имел разрешения от короля Фердинанда на поиски острова и владение источником, обладающим волшебными свойствами.

Но теперь другое дело. Разрешение получено, и нет больше причин откладывать задуманное. Понсе де Леон в нетерпении потер руки и раздраженно крикнул:

— Эй, Эстебан!

— Здесь, сеньор, — откликнулся старый слуга, появляясь на усыпанной песком дорожке, ведущей к веранде. — Что прикажете, ваша милость?

— Почему до сих пор нет Аламиноса? Или ты забыл, что я

велел его позвать сегодня ко мне?

— Ваше приказание выполнено, ваша милость, — кланяясь, отвечал слуга, — сеньор Аламинос дожидается вас уже полчаса.

— Так какого черта ты молчишь и не докладываешь мне об этом?

— Я не решался, ваша милость, нарушить ваше уединение, — с поклоном отвечал Эстебан.

— Зови его немедленно и убирайся!

Слуга поспешно ретировался и спустя минуту возвратился, сопровождая кормчего[29] Антона Аламиноса.

— К вашим услугам, сеньор губернатор, — сняв шляпу и церемонно раскланиваясь, произнес кормчий, подойдя к веранде.

— Рад вас видеть, Аламинос, — приветствовал его в свою очередь Понсе де Леон, — проходите сюда, садитесь, у меня есть к вам дело. Эй, Эстебан, подай вина и фруктов!

Собеседники удобно расположились в креслах у столика, на котором появились ваза с фруктами, бутылка вина и кружки, принесенные расторопным Эстебаном.

— Итак, любезный Аламинос, — начал губернатор, — вас, наверно, удивляет столь внезапное приглашение?

— Сознаюсь, сеньор де Леон, что теряюсь в догадках, — отвечал кормчий, пожимая плечами, — но я надеюсь, что очень скоро мое недоумение рассеется.

— И вы не ошибаетесь! — вскричал Понсе де Леон. — Слушайте меня внимательно, Аламинос. Я стар и сед, и жизнь моя уже на закате. Но во мне еще достаточно сил и энергии, чтобы совершить нечто значительное. Взгляните на этот документ, — губернатор извлек из кармана камзола сверток, — это патент, подписанный его высочеством королем Испании[30]. Государь, склонившись на мои просьбы, даровал мне право на поиски и владение островом Бимини, о котором вы, вероятно, слышали.

Аламинос слушал с напряженным вниманием. Он начинал догадываться о причинах своего приглашения в дом губернатора.

— Я намерен, — продолжал между тем Понсе де Леон, — без промедления отправиться в плавание и, будучи самого высокого мнения о вашем искусстве водить корабли (Аламинос наклонил голову в знак благодарности за столь лестную оценку его способностей), пригласил вас сюда, чтобы предложить вам принять участие в затеваемом мною предприятии. Условия будут для вас самые выгодные. Я уже не говорю о том, что вы получите возможность, как и все остальные, вернуть себе молодость, окунувшись в чудесный источник.

Деловой разговор продолжался более часа. Наконец, после

уточнения ряда деталей договора, Аламинос дал согласие на участие в экспедиции.

— Я рад, Аламинос, что вы оказались благоразумным человеком, — вставая и хлопая по плечу кормчего, удовлетворенно произнес Понсе де Леон. — Вы не раскаетесь. А теперь за дело. Надо снарядить корабли и набрать команды. Я хотел бы, чтобы последним занялись вы. Полагаю, это не составит особого труда. Поход предстоит нетрудный, да и вообще нам нет никакой нужды быть чрезмерно разборчивыми при подборе людей. Можете брать также стариков и увечных, они особенно охотно согласятся участвовать в плавании, когда узнают, что смогут излечиться от недугов и вернуть свою молодость.

Итак, за дело, Аламинос, и да поможет нам пресвятая дева Мария!

Спустя некоторое время после этого памятного разговора три корабля покинули остров Пуэрто-Рико. Было это 3 марта 1513 года.

Все участники плавания были радостно возбуждены. Для каждого предстоящее путешествие представлялось чем-то вроде увеселительной прогулки, в конце которой их ожидали неисчислимые радости.

Понсе де Леон и Аламинос, находившиеся на флагманском корабле, пребывали в неменьшем возбуждении. Им верилось, что не пройдет и недели, как на горизонте появится Бимини — остров вечной молодости.

Суда плыли в северо-западном направлении, останавливаясь у каждого встречавшегося на пути островка. Мореплаватели сходили на берег, осматривали местность, выискивали все источники и озерца, купались в них, но увы, чудесных превращений не происходило: старики оставались стариками, немощные не исцелялись от болезней.

В бесплодных поисках чудесного Бимини прошло около месяца.

Неудачи не обескуражили Понсе де Леона. Он по-прежнему продолжал поиски.

27 марта на западе показалась большая земля. Испанцы в который уже раз пришли в возбуждение, — появление суши вселяло в них новую надежду.

Понсе де Леон с тайным волнением взирал на приближающийся берег. Неужели и на этот раз их постигнет неудача?

Корабли насколько возможно приблизились к берегу, шлюпки были спущены, и испанцы, сгорая от нетерпения, поспешили на сушу.

Когда они вступили на твердую почву, восторгу их не было предела. Им казалось, что обетованная земля найдена. Ласкающий ароматный воздух, роскошная растительность, лазурное небо, переливы птичьих трелей — все это навевало думы о вечном блаженстве. Где искать источник вечной молодости, как не в этом райском уголке?

И мореплаватели упорно искали. Две недели двигалась флотилия испанцев на север вдоль сказочно прекрасного побережья. Две недели изо дня в день высаживались испанцы на берег и купались в ручейках, речках и озерах, какие только попадались на их пути. Но увы, — юность оставалась далекой мечтой. Источник вечной молодости не давался им в руки.

Поиски Бимини, как и следовало ожидать, оказались бесплодными, но новая земля была найдена и наречена Флоридой, что в переводе с испанского означает — Цветущая.

Более удачное название трудно было придумать, настолько оно гармонировало с благодатной природой этого края. Впрочем, Понсе де Леон вряд ли руководствовался этим соображением при выборе названия. Имя Флорида получила в память дня, когда она была открыта, первого дня христианской пасхи — по-испански Паскуа Флорида, что означает пасха цветущая.

Архипелаг черепах

Известие о покорении конкистадорами[31] сказочно богатой страны инков[32] вызвало ликование при дворе короля Испании. Да и как было не радоваться королю и его приближенным. Ведь это значило, что опять из-за океана потечет золото в их сундуки.

Но жадность всегда соседствует с подозрительностью, и король, опасаясь, как бы завоеватель Новой Кастилии (так была названа первоначально порабощенная страна), почувствовав силу и власть, не вышел из повиновения своему законному государю, счел необходимым установить за Франсиско Писсарро (таково было имя главаря испанцев, силой и обманом захватившего государство инков) неусыпный контроль.

В год основания города Лимы, столицы нового заокеанского владения, которое ныне именуется Перу, по повелению испанского монарха из Панамы отправился епископ Берланга с тайным поручением осуществлять негласное наблюдение за Писсарро.

Предстоял немалый путь по малоизведанным водам Тихого океана.

Вскоре после отплытия корабль Берланги оказался во власти противных ветров. Несмотря на все усилия экипажа, судно все больше отдалялось от берега материка в открытое море. Этому способствовало и холодное течение, следовавшее вдоль побережья Южной Америки и отклонявшееся к западу.

Все обитатели корабля пребывали в унынии, так как неменявшийся ветер мог отнести их далеко на запад, в совершенно неизвестные воды, откуда не легко будет найти путь к Новой Кастилии. Даже показавшаяся в один из дней земля не обрадовала мореплавателей. Это был одинокий остров. Он далеко отстоял от испанских владений в Америке и от привычных

торговых путей, а потому не мог представлять для них какого-либо интереса. Поглощенные заботой о скорейшем возвращении к материку, испанцы даже не потрудились дать обнаруженной земле какого-нибудь наименования.

Об открытии новой земли, а здесь оказался целый архипелаг, хотя и вспомнили после благополучного прибытия Берланги в Новую Кастилию, но этим дело и ограничилось — никаких попыток обследовать его и заселить испанцы не предприняли.

Но вскоре этот уединенный полузабытый архипелаг был найден пиратами, которые рассудили, что лучшей стоянки для их кораблей не сыщешь. Они создали на островах опорные пункты и оттуда с успехом совершали нападения на испанские суда, идущие с золотом и другим ценным грузом, после чего возвращались с добычей обратно.

Военные суда испанского флота не раз пытались расправиться с лихими корсарами, но те были неуловимы, а острова, на которых они скрывались, обнаружить никак не удавалось, несмотря на все усилия. Не удивительно поэтому, что в течение длительного времени острова эти были известны под именем Энкантадас — по-испански Зачарованные. Суеверные испанцы были убеждены, что они заколдованы и что здесь не обошлось без нечистой силы.

На самом деле трудность обнаружения архипелага объяснялась тем, что в районе, где он расположен, господствуют штили, а упомянутое морское течение, известное сейчас под названием Перуанского, относит корабли в сторону.

Название Энкантадас не удержалось за архипелагом. Перестав быть загадкой, он получил новое имя: Галапагос, что означает по-испански черепахи. Изобилие разновидностей этих пресмыкающихся и особенно большое число гигантских, как их называют, слоновых, черепах и послужило основанием дать архипелагу такое наименование. А черепахи были поистине гигантские — с длиной панциря до полутора метров и весом до четырехсот килограммов! Но кроме колоссальных размеров, они обладали еще одним неоспоримым достоинством — их мясо и яйца были очень вкусны. Поэтому частыми гостями на островах стали промышленники, которые варварски истребляли этих представителей животного мира архипелага.

В итоге к середине прошлого столетия черепах на островах фактически не осталось, и название Галапагос стало по сути дела символическим.

Правительство республики Эквадор, которой принадлежит этот архипелаг, в конце XIX века, руководствуясь благим намерением увековечить имя Колумба еще в одном

географическом наименовании, официально переименовало Черепашьи острова в архипелаг Колон (испанская транскрипция фамилии Колумба). Но традиция оказалась сильнее правительственных постановлений, и название Галапагос по-прежнему фигурирует на географических картах.

Лесной край

Карл II со скучающим видом слушал доклад своего первого министра герцога Бекингема. Английский король был в охотничьем костюме и собирался ехать в Виндзор[33]. Скрепляя своей подписью различные бумаги, он мысленно представлял себя скачущим во весь опор в сопровождении блестящей свиты за борзыми, преследующими зверя.

Когда последняя подпись была проставлена, Карл, облегченно вздохнув, поднялся из кресла и направился было к двери.

— Простите, ваше величество, — остановил его герцог, — мне не хотелось бы вас задерживать, но есть еще одно дело.

— Ах, Бекингем, — недовольно передернув плечами и возвращаясь к столу, произнес Карл, — как вам не надоест терзать меня всеми этими скучными делами! Боже, и зачем только я родился королем? Все дела, дела, и ни одной минуты покоя! Ну что там еще?

— Позволю себе напомнить вам, ваше величество, что вы назначили на сегодня аудиенцию Вильяму Пенну. Было бы недальновидным отказывать ему в этом, памятуя, что его отец в свое время выручил вашего родителя в трудный момент, ссудив ему деньги, и в дальнейшем…

— Хорошо, хорошо, Бекингем, — кусая усы от нетерпения, перебил король, — я приму его, я приму моего кредитора, но только, ради бога, избавьте меня от нравоучений. Где он? Надеюсь, мне не придется его ждать?

— Ваше величество, Пенн явился во дворец три часа назад и готов ждать еще столько же, но мне кажется, что…

— Довольно, герцог! — в раздражении воскликнул Карл. — Зовите сюда вашего Пенна и поскорее покончим с этим!

— Воля вашего величества священна, — почтительно кланяясь, ответил Бекингем и вышел из королевского кабинета. Двумя минутами позже он возвратился в сопровождении человека, одетого в скромный черный костюм.

— Рад вас видеть, любезный Пенн, — милостиво обратился к нему Карл, протягивая руку для поцелуя.

Прибывший, низко кланяясь, приблизился к королю, небрежно развалившемуся в кресле, поцеловал протянутую руку и замер в почтительной позе.

— Мне вдвойне приятно видеть вас, — продолжал, привычно улыбаясь, Карл II, — после того, как я смог вернуть вам небольшую сумму, которой ссудил наше семейство в свое время ваш отец. Полагаю, вы не остались в накладе. Земли, полученные вами в Америке, право же, стоят этой суммы. Или, быть может, вы недовольны? В таком случае говорите, сударь, говорите!

— Помилуйте, ваше величество, — умоляюще сложив руки, произнес Пенн. — Разве осмелился бы я являться во дворец к своему государю с недовольством в сердце? Щедрость вашего величества превзошла все мои ожидания. И я добивался высокой чести быть принятым вашим величеством лишь для того, чтобы принести свою благодарность, а также, чтобы испросить разрешения назвать дарованные мне в Новом Свете территории Новым Уэлсом.

— Нет, нет, милейший Пенн, — после минутного раздумья отвечал король, — если хотите знать мое пожелание, мне было бы приятнее, чтобы эти земли получили имя их хозяина. Пусть будет просто — земля Пенна или любое другое название, в котором ваше имя должно быть непременно представлено.

В данном случае довольно легкомысленный Карл II, у которого на уме были одни развлечения и удовольствия, проявил известную мудрость. Благоволение, проявленное им по отношению к Пенну, открывало возможность в случае нужды получения новых кредитов на наиболее благоприятных для него условиях.

— Ваше величество переполняет чашу благодеяний, доставшуюся на долю вашего недостойного слуги, — скромно отвечал Пенн, в душе, однако, польщенный королевскими словами. — Как я слышал, ваше величество, земли, перешедшие в мою собственность, богаты лесами. Пусть в таком случае отныне они носят имя Пенсильвании, если, конечно, так будет угодно вашему величеству.

— Безусловно мне будет это угодно, любезный Пенн, — быстро согласился Карл, довольный прежде всего тем, что аудиенция подходит к концу и он наконец сможет вскоре

отдаться любимому развлечению. — Поезжайте в ваши новые владения, сударь, и богатейте, богатейте, чтобы в случае необходимости я смог занять у вас большую сумму, чем у вашего отца.

Весело смеясь собственной шутке, король поднялся с кресла и, мгновенно забыв о существовании Пенна, который тем временем, низко кланяясь, покидал его кабинет, нетерпеливо сказал:

— А теперь на коней, Бекингем, и к черту все дела!

* * *

Примерно при таких обстоятельствах получили свое нынешнее название обширные земли в Северной Америке, лежащие к западу от реки Делавэр, отданные английским королем Карлом II в 1661 году Вильяму Пенну в счет погашения долга в сумме 16 тысяч стерлингов. Предложенное Пенном название, вернее вторая его часть, — Sylvania — в переводе означает лесной край, в целом же получился лесной край Пенна (Пенсильвания).

Ныне имя Пенсильвания носит один из штатов, расположенных на востоке Соединенных Штатов Америки.

Остров-лес

Более чем за десять лет до первого плавания португальца Кабраля, положившего начало вторичному открытию Азорских островов, в 1419 году два его соотечественника, Триштан Тейшейра и Жуан Сарку получили приказ от принца Генриха Мореплавателя совершить плавание до мыса Бохадор, крайней южной точки на атлантическом побережье Африки, которого достигали в тот период португальские корабли.

Этот мыс, вдаваясь глубоко в море, был окружен многочисленными рифами. Океан бурлил вокруг них, являя собою грозную и, казалось, непреодолимую преграду, за которую в течение долгого времени не решались проникнуть моряки.

В пути судно Тейшейры и Сарку было застигнуто штормом, который отнес его далеко на запад, в неизвестные им просторы океана.

Когда буря стала стихать и горизонт несколько прояснился, португальцы неожиданно увидели небольшой остров, сплошь поросший лесом.

Мореплаватели обследовали новую землю. Остров оказался необитаемым, но среди пород деревьев, произраставших на нем, они обнаружили драконово[34] дерево, представлявшее большую ценность.

Оправившись от бури, изрядно потрепавшей их корабль, португальцы пустились в обратный путь, торопясь сообщить принцу Генриху о своем открытии.

Генрих Мореплаватель воспринял это известие с радостью, но без особого удивления. Ему было известно, что в середине прошлого, XIV, века итальянцы, выходившие на своих судах в Атлантический океан, обнаружили какой-то сильно залесенный остров и дали ему наименование Леньяме (по-итальянски — лес).

Желая удостовериться в том, что открытия итальянцев и его

дворян относятся к одному и тому же острову, принц вторично отправил Тейшейру и Сарку в плавание. Экспедиция увенчалась полным успехом, и португальцы нашли еще один остров, расположенный к юго-западу от первого. Он оказался больше, а во всем остальном ничем не отличался от посещенного ими в прошлом году, был также лесист и необитаем.

Когда путешественники возвратились на родину с новым известием, принц Генрих, удовлетворенный результатами их плавания, решил наградить руководителей экспедиции и отдал им вновь открытый остров в феодальное владение.

По аналогии с итальянским названием он присвоил острову имя Мадейра (по-португальски — лес).

Счастливые обладатели обширных земель вновь отправились на дарованный им остров, на этот раз с целью его колонизации.

Первым их шагом был выбор места для поселения. Когда наконец участок был облюбован, португальцы решили очистить его от растительности. Для этого они подожгли лес, рассудив, что лучшего и быстрейшего способа освободить необходимое для застройки место не придумаешь.

Но результат оказался плачевным.

Вызвав к жизни огненную стихию, колонисты были не в силах совладать с нею. Пламя, перебрасываясь с дерева на дерево, охватывало все большее и большее количество деревьев. Лесной пожар ширился с неимоверной быстротой. В конце концов весь остров запылал, как огромный смоляной факел.

Долго бушевал огонь, и, когда он наконец унялся, от пышных лесных богатств острова не осталось и следа.

* * *

Такова наиболее распространенная версия происхождения названия острова Мадейра.

Но существует и другое предположение, которое исходит из совершенно противоположных предпосылок. Согласно второй версии, остров, именуемый сейчас Мадейра, был и тогда, когда его открыли, безлесным, отчасти потому, что на нем обитало множество коз, которые поедали все зеленые побеги. Подтверждением последнему служит название, данное ему арабами, — Al-Aghnam, что означает в переводе — мелкий скот.

Вероятно, итальянцы, которым было известно это арабское название острова, ошибочно восприняли его, как Legname

(Леньяме — лес), а за ними вслед повторили на своем языке это название португальцы.

Красное море

Португальская эскадра под командованием адмирала Аффонсу д'Албукерки[35], плавно покачиваясь на волнах, двигалась к Ормузскому проливу[36].

Арабский лоцман, находившийся на флагманском корабле, указывал наиболее короткий и безопасный путь.

Адмирал и офицеры стояли на палубе неподалеку от лоцмана и с нетерпением ожидали появления аравийского берега.

Ровный и свежий ветер увлекал корабли к намеченной цели, солнце ярко светило с безоблачного лазурного неба. Поверхность океана поблескивала под его лучами, отливая чуть красноватым цветом.

Необычный красноватый оттенок воды заинтересовал адмирала, и он обратился к переводчику:

— Спроси у него, — он указал пальцем на лоцмана, — почему здесь такой необыкновенный цвет воды. Мы это видим впервые.

Пока переводчик объяснял арабу вопрос адмирала, священник, стоявший в группе офицеров, приблизился к Албукерки и, поклонившись, сказал:

— Я слышал ваш вопрос, сеньор адмирал, и спешу напомнить, что еще древние называли это море красным, пораженные его необычным цветом. Правда, у них в ходу было и другое название, Маге Erythraeum — Эритрейское море. Объяснение этого названия пытались дать еще флотоводцы Александра Великого Неарх и Онезикирит. Они ссылались на восточное сказание о царе Эритрасе, будто бы похороненном на одном из островов этого моря. Легенда повествует, что на этом острове был воздвигнут надгробный памятник царю Эритрасу, а океан получил его имя…

— Ваши познания делают вам честь, благочестивый отец, — прервал его Албукерки, — но послушаем, что скажет нам этот сын

аллаха.

— Араб говорит, ваша милость, — вступил в разговор переводчик, заметив нетерпеливый взгляд адмирала в его сторону, — что он уже много лет плавает в этих водах и много раз слышал от других своих собратьев по промыслу, да и сам считает, что красноватый цвет воды объясняется поднятием со дна красного ила во время приливов и отливов.

Албукерки задумчиво покрутил усы, с сомнением кинув взор на плещущиеся вокруг корабля волны.

— Мне довелось слышать от спутников Васко да Гамы, сеньор адмирал, — снова вмешался священник, — еще и другое объяснение. Они высказывали предположение, что красноватый цвет моря происходит от красной пыли, приносимой сюда ветром из пустынь Аравии, а также и оттого, что прибрежные скалы имеют характерный красноватый оттенок.

Адмирал одобрительно кивнул головой и приказал переводчику спросить у лоцмана, что тот думает об этом.

Араб с невозмутимым видом выслушал переводчика и, пожав плечами, коснулся рукой лба и груди и поднял глаза кверху:

— Одному аллаху это ведомо. Он творит, он и уничтожает!

Выслушав этот маловразумительный, но, по всей видимости, окончательный ответ моряка араба, Албукерки усмехнулся и, обращаясь к окружавшим его офицерам, заметил:

— Не мне решать, какое объяснение более правильно, лоцмана или нашего достопочтенного падре. Однако мне представляется, что это не имеет для нас особого значения. Думаю, вы все согласитесь со мною, что сей обширный океан, ведущий к Индии, заслуживает другого названия. Почему бы его не назвать Индийским?

Ответом на эти слова были возгласы одобрения. Все офицеры по достоинству оценили предложение своего начальника.

* * *

Маге Rubrum (Красное море) — так называли в древности Индийский океан. Когда португальцы появились в его водах, а было это в первые годы XVI века, они также обратили внимание на красноватый оттенок его воды и проявили интерес к природе этого явления. Однако поскольку все помыслы их были направлены на достижение берегов сказочно богатой Индии, они переименовали его и стали называть Индийским океаном.

Старинное же название Красное море сохранилось за одним из его ответвлений, зажатым между Африканским материком и Аравийским полуостровом.

Южная земля

Интереснее всего, что люди упоминали о существовании какого-то большого материка на крайнем юге Земли еще задолго до того, как стали пускаться в дальние плавания по океанам.

В самом деле, достаточно взять первую попавшуюся старинную географическую карту, чтобы удостовериться в этом. На любой из них у Южного полюса изображена обширная земля. Только обозначена она по-разному.

На одних она окружена со всех сторон океаном. На других, наоборот, океан окаймлен со всех сторон неизвестной сушей. Мысль о том, что океан окаймлен какой-то неведомой землей, принадлежала, в частности, знаменитому древнегреческому ученому Птолемею. А известный римский географ Помпоний Мела, написавший в сороковых годах нашего летосчисления трехтомный труд «О строении Земли», изображал на юге сушу, а океан вокруг нее.

Но так или иначе древние авторы утверждали, что в южном полушарии есть суша немалых размеров. Исходили они при этом, правда, из умозрительных заключений о необходимом равновесии земного шара, которое могло быть обеспечено только при условии, если в южном полушарии есть такие же крупные массы суши, как и в северном.

Авторитет Птолемея и других столпов учености давних времен был настолько велик, что таинственный Южный материк на протяжении многих веков фигурировал на географических картах под интригующим названием Terra australis incognita, то есть «Земля южная неизвестная».

А коль скоро он изображался на картах, причем в совершенно определенном месте, были все основания для того, чтобы его искать.

Первыми, после норманнов, в плавание по океану отважились пуститься португальцы и испанцы. Они искали морской путь в Индию, о которой так красочно рассказывали побывавшие там арабские купцы. Золото, драгоценности и пряности Востока не давали покоя западноевропейским правителям и торгашам.

Португальцы двигались вдоль побережья Африки. В конце XV века им удалось обогнуть южную оконечность Африки, а несколько позднее, на заре XVI века, знаменитый португальский мореплаватель Васко да Гама достиг берегов полуострова Индостан.

В то время как португальцы прокладывали путь в Индию на востоке, их соседи по Пиренейскому полуострову, испанцы, стремились достигнуть ее на западе.

В 1492 году Христофор Колумб впервые пересек Атлантический океан. Пути в Индию он не обрел, но зато открыл европейцам доступ в Новый Свет — Америку.

В 1519 году Фернандо Магеллан, португалец, состоявший в то время на испанской службе, отправился в первое кругосветное плавание. Он пересек Атлантический океан и после долгих поисков открыл пролив, ведущий в Южное море (так именовался тогда Тихий океан). Этот пролив, получивший впоследствии имя Магеллана, разделял берега Южной Америки и еще какой-то неизвестной земли, лежавшей южнее. Там на этой земле высоко к небу поднимались столбы дыма, а ночью таинственно мерцали огни костров. Мореплаватели назвали ее Землей Огней[37].

Как далеко простирается к югу вновь открытая земля, мореплаватели не знали, и у многих сложилось представление, что здесь лежит северный предел того самого Южного материка, который обозначен на всех древних картах.

Позднее один из кораблей испанской экспедиции, посланной повторить маршрут Магеллана, отнесло бурей далеко на юг от входа в Магелланов пролив. Судно очутилось у берегов неизвестной земли. Командовавший им капитан Осес, считая, что перед ним Южный материк, не сделал попытки обогнуть его и, чтобы попасть в Тихий океан, вернулся к Магелланову проливу.

Только много лет спустя выяснилось, что Осес видел южную оконечность Огненной Земли, северные берега которой открыл Магеллан.

Испанские мореплаватели открывали далеко к западу от американского континента все новые и новые острова. И каждый из них они принимали за берег Неведомой Южной земли. Так, в середине XVI века капитан испанского судна Ортис де Ретес, находясь на пути от Филиппинских островов к Мексике, оказался вблизи берегов какой-то обширной земли, которую он принял за

северную оконечность Южного материка и назвал Новой Гвинеей.

К тому времени, о котором идет речь, испанские колонизаторы уже завоевали огромные пространства Южной Америки. Но им этого было мало. Жажда наживы гнала конкистадоров на поиски новых и новых земель.

В конце 1557 года вице-король Перу снарядил два корабля, чтобы отправить их на поиски таинственного Южного материка. Командовал экспедицией Альваро Менданья. Вице-король и его приближенные были весьма заинтересованы в успехе предприятия. Каждый из них имел в Перу серебряные рудники или плодородные плантации, на которых работали местные жители — индейцы, превращенные завоевателями в рабов.

Но из-за невыносимо тяжелых условий, в которых им приходилось работать, индейцы заболевали и тысячами умирали. Колонизаторы рисковали остаться без рабочих рук. Однако им не приходило в голову облегчить труд индейцев, и свои надежды они возлагали на Южный материк: там должны жить черные люди, которые сильны и выносливы; их видел Ортис де Ретес и если их привезти в Перу, они с успехом заменят мрущих как мухи индейцев.

Мечтали завоеватели и о золоте, предполагая, что его немало на Южном материке…

Корабли Менданьи покинули перуанский порт Кальяо и двинулись на запад. За три месяца плавания они не встретили ничего, кроме маленького кораллового островка. Но наконец ожидания их оправдались — впереди показалась земля. Когда суда приблизились к берегу, путешественники увидели довольно высокие горы, сплошь покрытые тропической растительностью. Кое-где виднелись селения.

Менданья решил, что ему посчастливилось найти легендарную страну Офир[38], полную сказочных богатств. По его убеждению, она находилась на Южном материке.

Но вскоре ему пришлось разочароваться: открытая земля оказалась островом, и хотя неподалеку обнаружились другие острова, никаких намеков на близость материка не было. Путешественники пытались искать золото и хоть этим вознаградить себя за тяготы пути. Но золота также не оказалось.

Неудача, впрочем, не помешала Менданье рассказывать по возвращении, что открытый им архипелаг не что иное, как страна Офир. Поэтому, очевидно, острова и получили название Соломоновых.

Однако одни рассказы о горах золота мало удовлетворяли вице-короля. Он предпочитал иметь дело с настоящим золотом. И спустя четверть века Менданья снова отправился в плавание.

После долгих и бесплодных попыток найти большую богатую страну Менданья решил еще раз посетить открытые им в предыдущее плавание Соломоновы острова. Но ему не довелось увидеть их во второй раз. Неожиданная смерть помешала этому.

Командование кораблями после его смерти принял Педро Фернандо де Кирос. Он хотел было продолжить поиски, но среди экипажа внезапно вспыхнула эпидемия чумы. Претерпев большие трудности и лишения, экспедиция вернулась в Перу, так и не найдя желанной Южной земли.

Однако по возвращении Кирос с поразительным упорством старался доказать всем, что теперь в существовании Южного материка можно не сомневаться. Особенно пылко он убеждал в этом тех, от кого могло зависеть снаряжение новой экспедиции.

Удостоверившись, что перуанская знать не очень-то верит в его россказни, Кирос отправился в Испанию и стал соблазнять вельмож и богатых негоциантов баснословными сокровищами Южного материка. Но увы! Никто не соглашался финансировать новую экспедицию.

Тогда Кирос решил заручиться поддержкой самого папы римского. Он отправился в Рим, добился приема у папы и с пылким красноречием нарисовал перед ним заманчивые картины легкого обогащения. Тот не устоял перед посулами Кироса и обещал ему свою помощь.

Очевидно, обещание свое папа выполнил, потому что в 1605 году в начале декабря из порта Кальяо вышла флотилия в составе трех кораблей. Вел ее Кирос.

Опять испанские суда плыли на запад в поисках таинственной Южной земли. Время от времени на пути флотилии попадались небольшие островки. От жителей одного из них Кирос услышал, что где-то южнее лежит большая земля. Он охотно поверил этому и поспешил переменить курс кораблей. Теперь Кирос был убежден, что непременно откроет южный материк.

И действительно, вскоре мореплаватели увидели гористую землю. Она казалась обширной. Многочисленные селения были разбросаны по склонам гор и вдоль побережья. Корабли вошли в живописную бухту.

Кирос торжествовал. Наконец-то его мечты сбылись — он нашел Южную землю! Теперь золото неистощимым потоком хлынет в его карманы. Не будет забыт и папа римский, придется и ему кое-что уделить. А тем временем можно сделать благочестивый жест. И Кирос нарекает открытый им «материк» Южной Землей Духа Святого — Эспириту Санто. На берегу бухты он закладывает город Новый Иерусалим.

Но недолго длится торжество. Ни малейших признаков

желанного золота испанцам на открытой земле обнаружить не удается. Среди экипажа кораблей начало зреть недовольство. Надежды моряков быстро и легко разбогатеть не оправдались. А тут еще новое несчастье — тропическая лихорадка. Болезнь не щадит людей: многие умирают.

Перепуганный Кирос решил покинуть злополучную землю и тайно бежал на одном из кораблей. Возвратившись в Перу, он объявил, что им открыт огромный материк. По его словам, там было все необходимое для легкой беззаботной жизни.

«Я могу сказать на основании фактов, — писал он испанскому королю, — что нет на свете страны, более приятной, здоровой и плодородной; страны, более богатой строительным камнем, лесом, черепичной глиной, нужной для создания большого города, с портом у самого моря и притом орошаемой хорошей, текущей по равнине рекой, с равнинами и холмами, с горными кряжами и оврагами; страны, более пригодной для разведения растений и всего того, что производит Европа и Индия… Из всего сказанного мною вытекает, что имеются два континента, стоящие отдельно от Европы, Азии и Африки. Первым из них является Америка, открытая Христофором Колумбом, вторым и последним на земле — тот, который я видел и который я прошу исследовать и заселить…»

Пока Кирос упивался собственными рассказами о богатствах вновь открытой земли, экспедиция, брошенная им на произвол судьбы, покинула Эспириту Санто. Под командованием Луиса Торреса она обошла вокруг открытую землю. «Материк» Кироса оказался сравнительно небольшим островом. Как удалось установить впоследствии, это был один из островов Новогебридского архипелага.

Удостоверившись в ошибке Кироса, Торрес решил попытать счастья в другом месте. Он припомнил, что где-то на северо-западе лежит Новая Гвинея, которую тоже считали оконечностью Южного материка, и отправился на ее поиски. Достигнув южного побережья Новой Гвинеи и следуя вдоль него, мореплаватели оказались в широком проливе. Хотя множество подводных скал и мелких островков не раз грозили катастрофой, Торресу, правда, с трудом, но все же удалось провести свои корабли через него.

При этом путешественники видели на юге очертания еще какой-то земли, как сообщил в своем отчете Торрес, прибыв в Манилу, главный город Филиппинских островов.

Таким образом, своим походом вдоль южных берегов Новой Гвинеи экспедиция Торреса доказала, что Новая Гвинея не может считаться северной оконечностью Неведомой Южной земли, а представляет собою большой остров.

Долгое время открытия, совершенные Менданьей, Киросом и Торресом, оставались для всех тайной. Испанское правительство не хотело предавать их гласности. Только более чем сто пятьдесят лет спустя секретные документы об этих открытиях были опубликованы. Известны они стали благодаря англичанам, захватившим эти документы в числе многих других в Маниле во время Семилетней войны.

Торрес был последним крупным испанским мореплавателем, совершившим значительные открытия. К началу XVII века Испания постепенно приходит в упадок и становится второстепенной державой. Обширные колонии в Америке у нее остаются, но господство на море она навсегда уступает другим, быстро развивающимся государствам. На смену испанцам и португальцам в океанские просторы приходят новые охотники за сокровищами — англичане, голландцы, французы.

Английские корабли рыскали по морям и океанам в поисках еще не открытых земель. Попутно они грабили встречные испанские, голландские и французские торговые суда. Королева Елизавета не препятствовала этому; напротив, она поощряла пиратов, так как они отдавали ей крупную долю захваченных богатств. Недаром их называли королевскими пиратами.

Одним из выдающихся английских мореплавателей того времени был Френсис Дрейк. В нем сочетались черты пирата, бесстрашного искателя приключений и искусного морехода. В конце XVI века он совершил второе, после Магеллана, кругосветное плавание, длившееся около трех лет.

«В седьмой день (сентября), — как пишет сам Дрейк, — сильный шторм помешал нам войти в Южное море… в одном градусе к югу от (Магелланова. — *С. У.*) пролива. Из залива, названного нами заливом Разлуки Друзей, нас отогнало на юг от пролива до 57 с третью параллели, на каковой широте мы и стали на якорь среди островов».

Френсис Дрейк составил карту, на которой южнее Магелланова пролива изобразил группу островов. Около них было написано: terra australis bene cognita, что означает в переводе «Южная земля хорошо известная». В планы Дрейка не входило заниматься исследованием этой земли. Он прошел Магеллановым проливом в Тихий океан и двинулся на север вдоль берегов Чили, захватывая и грабя встречные суда и разоряя испанские порты. Но его рукописная карта до сих пор хранится в Британском музее и свидетельствует о том, что знаменитый английский мореплаватель полагал, будто им открыт таинственный материк.

В начале XVII века поисками Неведомой Южной земли

начинают интересоваться голландцы. Некоторые голландские купцы, торговавшие с островами Малайского архипелага, были крайне заинтересованы в отыскании нового пути к островам Пряностей. Два пути — один вокруг Африки, другой — через Магелланов пролив, известные к тому времени, для них были фактически закрыты, так как находились под контролем голландского торгового объединения, так называемой Ост-Индской компании. Ни один корабль без разрешения этой могущественной организации не имел права проходить мимо мыса Доброй Надежды или через Магелланов пролив.

В 1615 году амстердамский купец Лемэр организовал экспедицию. Она должна была найти новый путь в Тихий океан в обход Магелланова пролива. Кроме того, в ее планы входили также поиски Южного материка.

Во главе экспедиции был поставлен Виллем Скоутен. Сам Лемэр не рискнул принять участия в плавании, будучи в преклонных летах, а отправил в путешествие двух сыновей.

Мореплаватели миновали вход в Магелланов пролив и двинулись на юг вдоль берегов Огненной Земли. По прошествии некоторого времени перед ними открылся какой-то залив или пролив — этого они не смогли определить, а на востоке виднелись высокие снежные берега. Об этих берегах не упоминал до тех пор ни один мореплаватель.

Скоутен и его спутники не колеблясь решили, что перед ними часть Южного материка. Они назвали его Землей Штатов в честь нидерландского парламента, именовавшегося Генеральными Штатами.

Затем путешественники двинулись на запад, обогнули Огненную Землю с юга, назвав самую южную точку ее мысом Горн, и вышли в Тихий океан. После этого они без особых приключений добрались до берегов Новой Гвинеи, которую тоже приняли за выступ Южного материка. Они были в полной уверенности, что Новая Гвинея тянется далеко на восток и соединяется с Землей Штатов, открытой ими южнее Америки. Так долгое время считали и в Европе, пока не было установлено с полной достоверностью, что Скоутен и его спутники видели, огибая Южную Америку, лишь небольшой остров, покрытый снегом и ледниками.

От Новой Гвинеи Скоутен направился к острову Ява. Но там его ожидали большие неприятности. Администрация Ост-Индской компании не поверила, что экспедиция нашла новый путь из Атлантического океана в Тихий. Скоутена и его товарищей обвинили в том, что вопреки запрету они прошли Магеллановым проливом. Корабли их были конфискованы, а моряков отправили

в Голландию.

Скоутен и братья Лемэр были не первыми голландцами, пытавшимися найти Южный материк. В 1606 году их соотечественник Виллем Янсзон, плывя от Явы на восток, к Новой Гвинее, достиг берегов неизвестной суши. Вслед за Янсзоном другие голландские мореплаватели установили, что побережье этой суши тянется далеко на запад и юго-запад. Земля казалось обширной. Голландцы приняли ее за часть Южного материка и назвали Новой Голландией.

Действительно, земля голландских мореплавателей была совсем не похожа на все другие земли, которые различными искателями принимались за Южный материк.

Чтобы окончательно выяснить размеры Новой Голландии и по возможности исследовать ее, в 1642 году с острова Ява из города Батавии — теперь он именуется Джакартой (столица Индонезийской республики), отплыла экспедиция Абеля Тасмана.

Корабли Тасмана направились на юг, а затем повернули на юго-восток и восток. После долгих дней плавания мореплаватели увидели остров, которому руководитель экспедиции дал название Вандименовой земли, в честь губернатора Голландской Индии Ван Димена. Впоследствии этот остров переименовали, и теперь на всех географических картах он называется Тасманией.

Очень бегло осмотрев побережье Вандименовой земли, Тасман продолжал плыть на восток. Спустя некоторое время путешественникам открылись берега еще какой-то земли, тоже уходящей далеко на восток. Тасман решил, что перед ним часть Земли Штатов, открытой Скоутеном. Повернув на север, корабли достигли, наконец, берегов Новой Гвинеи и, обогнув ее с севера, возвратилась в Батавию.

Плавание Тасмана продолжалось год. За это время он обошел вокруг всю Новую Голландию, хотя самое интересное заключалось в том, что никто из участников его экспедиции ни разу не видел берегов этой обширной земли, а поэтому и не подозревал, что обогнул ее кругом. Но хотя экспедиция Тасмана не подтвердила открытий его предшественников, на картах того времени появились на юге очертания нового материка.

Для острова эта земля, несомненно, была слишком велика. А для материка, уравновешивающего огромные массы суши северного полушария, она казалась слишком малой. Примерно так думали мореплаватели и ученые в середине XVII века. К тому же, рассуждали они, Тасман и его спутники видели на востоке еще одну землю — Землю Штатов. Скорее всего это и была неведомая Южная земля древних географов.

Вопрос оставался открытым: что представляет собой Новая

Голландия? То ли это материк, то ли огромный архипелаг крупных и малых островов?

Поэтому в 1644 году Тасман отправился во вторичное плавание. На этот раз мореплавателям удалось проследовать на большом протяжении вдоль берегов Новой Голландии и заснять и нанести на карту свыше трех тысяч километров ее береговой линии.

В результате этой экспедиции рушилось предположение о том, что Новая Голландия архипелаг. Голландцы убеждались все больше и больше, что имеют дело с материком. Можно было бы рассказать о том, как продолжались исследования Новой Голландии английскими и французским мореплавателями, в результате которых, правда, береговая линия этого материка пока еще оставалась известной очень приблизительно. Но в этом нет особой надобности.

Чтобы закончить рассказ о новом материке, открытом в южном полушарии, достаточно упомянуть о двух исследователях, одному из которых он обязан нынешним своим наименованием.

Со времени открытий Тасмана прошло более ста пятидесяти лет. Шли последние годы XVIII века. Из Порт-Джэксона, расположенного на южном побережье Новой Голландии, отправились в плавание с целью обследования ее береговой линии англичане Мэтью Флиндерс и Джордж Басс. Им удалось установить, что Вандименова земля, открытая Тасманом, не имеет связи с Новой Голландией и является островом, а также исследовать довольно подробно южные берега Новой Голландии.

Эти исследования были продолжены в 1801–1802 годах. А еще позднее, в 1802–1803 годах, Флиндерс обошел на корабле вокруг Новой Голландии, тщательно проследив все восточное побережье и тянущийся вдоль него Большой Барьерный риф.

В год смерти исследователя, в 1814 году, была опубликована его книга под названием «Путешествие к Terra Australia». Заканчивая свои описания берегов этого материка, автор высказал мнение, что Новую Голландию следует переименовать в Терра Аустралиа, ибо она уже достаточно исследована, чтобы не называться неведомой (incognita), а кроме того, название Австралия приятно для уха и соответствует названиям других частей света.

Предложение Флиндерса было принято, и с тех пор материк в южном полушарии стал именоваться Австралией.

А между тем поиски Неведомой Южной земли продолжались и вскоре завершились открытием русскими мореплавателями Беллинсгаузеном и Лазаревым антарктического материка, последнего из материков на земном шаре.

Оглавление

Меч Мамая … 3
Горячее озеро … 11
Город на Ангаре … 21
Гавань Петра и Павла … 27
«На крайнем конце» … 31
Памяти капитана-командора … 35
Охота — Охотск — Охотское море … 39
Островной город … 41
Сапожок … 43
У семи палат … 45
Мрак и свет … 47
Столица Эллады … 51
Полуостров Пелопса … 54
Скала Тарика … 59
Два острова … 65
Страна-деревня … 72
Цветущий полуостров … 78
Архипелаг черепах … 82
Лесной край … 85
Остров-лес … 88
Красное море … 91
Южная земля … 94

notes

Примечания

1

В те времена так назывались постройки, предназначенные для хранения каких-либо запасов.

2

Эгида — косматая шкура, которую носил Зевс. Потрясая своей эгидой, в которую была вставлена голова горгоны — чудовища со взглядом, превращающим все живое в камень, Зевс наводил ужас на богов и людей.

3

В древнегреческих мифах бог морей Посейдон обычно изображается плывущим по морю на колеснице, запряженной дивными конями. В руке у него трезубец, которым он укрощает волны.

4

Аттика — страна в древней Греции.

5

Тучегонитель, громовержец, эгидодержавый — эпитеты, обычно употребляемые в мифах для характеристики могущества царя богов Зевса.

6

Олимп — наиболее высокий горный массив в Греции на границе Македонии и Фессалии. По древнейшим представлениям, на Олимпе находилось обиталище богов.

7

Акрополь — укрепленная, высоко расположенная часть древних греческих городов. Особенно знаменит афинский акрополь.

8

Кекроп — в древнегреческих мифах основатель Афин, первый царь Аттики.

9

Эос — богиня утренней зари.

10

Лидия — в древности страна в Малой Азии, богатая золотыми россыпями.

11

Аид — в греческой мифологии подземное царство, куда после смерти сходили души умерших.

12

Согласно мифам, Зевс был отцом многих богов и людей.

13

Амбросия — пища бессмертия, нектар — напиток богов.

14

Гермес — сын Зевса, бог изобретений, покровитель промышленности и торговли. Отличался хитростью и ловкостью.

15

Плутон — одно из имен бога подземного царства. Часто его называли Аид или Гадес.

16

Троя — древний город и государство в Малой Азии, воспетые Гомером в «Илиаде».

17

Жертвенник — сооружение из камня, на котором греки приносили жертвы богам.

18

Оракул — место, где произносилось предсказание богов.

19

Сеута — город и порт на северном побережье Африки против Гибралтара.

20

Вестготы — германские племена, разгромившие Италию и впоследствии основавшие вестготское королевство на Пиренейском полуострове, на территории нынешней Испании.

21

Мессия — так именуется в Ветхом Завете, одном из важнейших документов христианского вероучения, обещанный избавитель человеческого рода.

22

Византийская империя — иначе Восточноримская, так именовалась восточная часть Римской империи после ее разделения в 395 году между сыновьями императора Феодосия. В нее входили все азиатские провинции Римской империи, Египет и часть Северной Африки, Балканский полуостров. На разных этапах своего существования Византия вела войны с остготами и вестготами, славянами, персами и арабами, исповедовавшими мусульманскую религию.

23

Калиф — у арабов наместник Магомета в его духовной и светской власти. Во второй половине VII века калифы избрали своей столицей Дамаск. Особого расцвета арабский калифат достиг при калифе Валиде.

24

Раззия — у арабов летучий отряд.

25

Так иногда прежде называли Пиренейский полуостров.

26

Скальды — народные поэты древней исландской и норвежской литературы.

27

Один — верховный бог в мифологии северных народов.

28

Лье — старинная французская мера длины, равная 4,5 км.

29

Кормчий — рулевой, управляющий движением корабля.

30

В те времена король Испании именовался его высочеством, а не его величеством.

31

Конкистадоры (исп.) — завоеватели. Под таким именем вошли в историю участники завоевательных походов в Америку в эпоху Великих географических открытий.

32

Инки — первоначально индейское племя, обитавшее в Перу; позже — господствующий слой в образованном этим племенем государстве.

33

Виндзор — загородная резиденция английского короля.

34

Драконово дерево — пальмовидное дерево, из корней которого добывается так называемая драконова кровь, темно-красная смола, используемая для изготовления лаков, красок и др.

35

Аффонс д’Албукерки — португальский адмирал, вице-король португальских владений в Индии с 1509 по 1515 год.

36

Ормузский пролив соединяет Персидский залив с Индийским океаном.

37

Ныне Огненная Земля, архипелаг островов, относящийся к материку Южная Америка.

38

Страна Офир — согласно библейскому преданию, страна, откуда царь Соломон получал золото, слоновую кость и другие ценности. Ее местоположение предполагалось также в Индии и в Африке.